
12+
ЗИМНИЙ ПЕРЕПОЛОХ
КРИСТИ ЩЕРБАКОВА

Кристи Щербакова

Зимний переполох

«Издательские решения»

Щербакова К.

Зимний переполох / К. Щербакова — «Издательские решения»,

В канун Нового года четырнадцатилетняя Селена спасает раненого феникса и попадает в волшебный мир. Там целый город уже двадцать лет не может дождаться первого января. Чтобы вернуть праздник, ей придётся раскрыть тайну пропавших писем и пробраться во дворец под видом музыканта. Играть она не умеет. Зато рядом есть верные друзья и юный проводник, в которого совсем некстати хочется влюбиться. Но кто-то подменяет подсказки и ведёт их в ловушку. Успеют ли они разобраться до полуночи?

© Щербакова К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Курьер в чужом окне 6
Глава 2 Хлебница для чрезвычайных случаев 9
Глава 3 Девять хвостов и одна ошибка 12
Глава 4 Отдел недоставленных пожеланий 15
Глава 5 Лев с простудой 17
Глава 6 Пуговицы против зубов 20
Глава 7 Дом, который чихает 23
Глава 8 Чужие варежки 26
Глава 9 Оранжерея наоборот 29
Глава 10 Рассветная птица не попадает в ноты 32
Глава 11 Слеза не по заказу 34
Глава 12 Кольцо собственного изготовления 37
Глава 13 Птица без инструкции 40
Глава 14 Три кармана на одну тайну 43
Глава 15 Вход по потерянным биркам 46
Глава 16 Сапоги идут к пирогам 49
Глава 17 Конкурс почти правильных пожеланий 52
Глава 18 Чужой почерк 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Зимний переполох

Кристи Щербакова

© Кристи Щербакова, 2026

ISBN 978-5-0071-6901-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Курьер в чужом окне

Папин олень мигал одним глазом. Второй глаз мама распустила до обеда, потому что вшитая в свитер лампочка грелась так, что папа начинал пахнуть утюгом. Теперь олень выглядел человеком, который знает про Новый год что-то неприятное, но пока помолчит.

— Не смотри на него, — сказал папа Селене. — Он всё время подмигивает только тебе. Это уже личное.

Селена перебросила за спину косу из чёрных волос, спускавшихся ниже плеч, и прижала к груди миску с яблоками, чтобы не рассмеяться прямо в корицу. Ей поручили начинку для пирога. Внизу, у соседей, собирались сдвинуть два стола, а потом встретить Новый год всем подъездом. Мама уже трижды напомнила, что пирог нужно принести к полуночи, и ни разу не объяснила, почему четыре человека собирают столы целой делегацией, а один человек получает яблоки, тесто и ответственность.

— Ты обещала, — напомнила мама, вытаскивая из коробки гирлянду. Провод немедленно обвился вокруг её локтя. — Можешь хотя бы до праздника не забыть обещание?

— Я не забываю. Я иногда переношу в удобное место памяти.

— Передай тому месту привет. Через сорок минут будем накрывать.

За кухонным окном Снежнин заканчивал приготовления. На противоположном берегу реки включили звёзды над каменным мостом; одну повесили боком, и она старательно освещала собственную верёвку. Во дворе кто-то катил на санках огромный салатник. Селена решила, что это лучший транспорт для салата: спокойно, величественно, никаких пересадок. Снег припорошил следы на дорожках, но колея от санок уверенно тянулась к их подъезду.

Мама проверила духовку, оставила прихватки на спинке стула и велела не начинать печь без неё. Папа забрал складные стулья. Из-за оленьих рогов на груди ему пришлось выходить в дверь боком, хотя сами рога были нарисованы. Селена помогла, придерживая косяк с преувеличенно серьёзным видом. Когда дверь закрылась, квартира стала вдвое просторнее и значительно тише.

Она нарезала последние яблоки, накрыла миску и отнесла в комнату открытку Ники. Подруга засунула её в почтовый ящик днём, а на конверте написала: «Лично в руки. Особенно не папе. Он опять скажет, что красивый почерк — это болезнь». Почерк у Ники действительно скакал так, словно каждая буква опаздывала на отдельный автобус.

В открытке был нарисован их каменный мост, только к перилам Ника добавила двух драконов. Один дракон ловил снег языком, второй держал табличку «Не кормить первоклассниками». Внутри подруга пожелала Селене перестать прятаться за картами и наконец прийти на каток. Последняя строчка выглядела странно: «А встретимся мы с тобой после обеда». Между «тобой» и «после» оставалась длинная белая полоска.

На обороте Ника вклеила распечатку их недавнего диалога, где Селена жаловалась: «Мама вечно занята; вот бы у неё всегда было время и никто не уходил, пока я не скажу всё нужное». Под этим Ника пририсовала будильник и свой ответ: «Начни раньше, чем все побежали собирать столы».

Селена провела по ней пальцем. Бумага была совершенно гладкой. Она помнила, как Ника по телефону произнесла эту фразу: завтра после обеда. Даже уточнила, что завтра — это уже следующий год и потому опоздание будет считаться прошлогодней привычкой. Может, подруга намеревалась вписать время, да передумала? Но Ника ничего не стирала аккуратно. Её ошибки обычно превращались в цветы, черепа или подробные схемы катастроф.

Селена сфотографировала открытку и отправила подруге: «Ты слово потеряла». Ответ пришёл почти сразу: «Какое?» Она набрала «завтра» и прежде, чем нажать отправку, снова взглянула на мост. Один из нарисованных драконов теперь смотрел прямо на белый промежу-

ток. Не повернул голову, конечно. Просто раньше она этого не заметила. Селена отправила сообщение и поставила открытку под лампу.

В комнате пахло книгами и нагретой пылью электрического камина. Настоящего огня у них не было: за стеклом шевелилась красная подсветка, а вентилятор грел ноги. Папа утверждал, что это камин с хорошими манерами — ни золы, ни лишних вопросов. На стене над ним висела карта Снежнина, старая, с ещё не построенным мостом. Селена любила смотреть, как город помещается в несколько линий и всё равно остаётся собой.

Она села на ковёр, вытянула ноги в пижамных штанах с медвежатами и принялась распутывать оставшуюся гирлянду. На груди у неё сияла большая тканевая луна. В четырнадцать лет такая пижама, по мнению Ники, требовала уверенности в себе. Селена отвечала, что уверенности требует поход на каток, а медведи как раз никого не беспокоят. Особенно когда спят.

Телефон коротко дрогнул. Ника прислала: «Я точно писала. Ты же не вырезала?» Селена поднесла открытку ближе. Там, где должно было быть слово, крохотные бумажные волокна лежали не так, как вокруг. Она наклонила лист к свету и увидела тонкую синеватую черту: будто кто-то провёл ледяным ножом, не касаясь бумаги. В комнате внезапно стало прохладно.

Она поднялась проверить форточку. Снаружи ветер гнал снег вдоль стены, и хлопья летели не вниз, а вбок, строго к её окну. На дворовой ёлке ещё горели жёлтые огоньки, но дальний мост уже исчез за снежной пеленой. Селена прижала ладонь к стеклу. Оттуда донёсся негромкий стук — два быстрых удара, пауза, ещё один. Сосулька не стала бы выдерживать паузу.

— Кто там? — спросила она и сразу почувствовала себя глупо. Окно находилось на четвёртом этаже.

Что-то тёмное скользнуло за стеклом. Селена решила, что это полиэтиленовый пакет: их в декабре почему-то носило над городом не меньше, чем птиц. Но пакет расправил два крыла. На секунду между снежинками вспыхнула синяя полоса, такая яркая, что она отступила и больно стукнулась пяткой о коробку с игрушками.

Ручка форточки дёрнулась. Из щели донеслось хриплое: «Открой». Селена посмотрела на телефон, на дверь, снова на окно. В школьном кружке безопасности никто не объяснял, как быть, если незнакомец стучит крылом снаружи. Она уже потянулась звонить папе, когда птица ударилась о стекло боком. Левое крыло повисло неровно. Тело медленно поползло вниз, исчезая за наружным подоконником.

Селена успела схватиться за ручку и распахнуть створку. Снег ворвался в комнату целой охапкой. Вместе с ним на ковёр свалился чёрный комок, перекатился через гирлянду и замер у камина. По перьям пробежало голубое пламя. Девушка отпрянула к столу, задела кружку и успела подхватить её за ручку. Чай обжёг пальцы; от огня на ковре не осталось даже тёмного пятнышка.

Птица была крупнее ворона, с длинным хвостом и глазами цвета крепкого чая на солнце. Она попыталась подняться, но левое крыло не послушалось. Селена увидела на нём полосу инея, словно в перья вросла ледяная проволока. Птица стёрла клювом снег с груди, посмотрела на неё и выговорила так отчётливо, что никаким скрипом рамы это уже нельзя было объяснить:

— Пожалуйста, не кричи. И закрой окно.

Селена закрыла. Щеколда никак не попадала в паз; пальцы дрожали, и от этого она сердилась сильнее, чем пугалась. Снизу хлопнула подъездная дверь, кто-то засмеялся, жизнь в Снежнине продолжалась без всякого уважения к происходящему на её ковре. Она повернулась к птице, держа в руках кружку как единственный доступный предмет для переговоров.

— Ты горишь, — сказала она.

— Только снаружи. Это нормально. А вот левая сторона — не очень.

Гирлянда под ним мигнула, и птица болезненно втянула голову в плечи. Селена выдернула вилку из розетки. Теперь в комнате светились только лампа, искусственные угли и синие

искры в чёрных перьях. На столе открытка Ники тихо шуршала, хотя сквозняка больше не было. Белый промежуток на ней стал чуточку длиннее.

Селена поставила чай на пол, опустилась на корточки и придвинула птице чистое полотенце. До полуночи у неё были яблоки, тесто и обещание. Ещё минуту назад список казался достаточно длинным.

Глава 2 Хлебница для чрезвычайных случаев

Полотенце птица одобрила. Пластмассовую миску с водой отвергла с таким выражением, словно Селена предложила ей поселиться в ботинке. Зато на чашку с отколотой ручкой согласилась. Она пила маленькими глотками, наклоняя голову, а Селена старалась не смотреть слишком пристально. Смотреть недостаточно пристально тоже не получалось: на ковре сидела говорящая птица, и это была самая убедительная причина за всю её жизнь забыть про телефон.

— Ты ворон? — всё-таки спросила она.

— Феникс.

— А тёмный потому, что свет не включили?

Птица подняла на неё янтарные глаза. Селена поняла, что сказала глупость, и захотела спрятать лицо в полотенце. Но Феникс коротко фыркнул. По краю его хвоста прокатились синие искорки, не обжёгшие ни ворса, ни собственных перьев.

— Потому что Тёмный, — ответил он. — Светлым я бы тоже попросил выключить эту штуку. Она сбивает мне направление.

Он кивнул на гирлянду. Селена убрала её в ящик, потом вернулась с кухонными ножницами и замерла у ковра. Феникс посмотрел сначала на ножницы, затем на неё. Оба одновременно отодвинулись друг от друга.

— Я хотела разрезать полотенце на полосы, — поспешно объяснила она. — Для крыла. Не тебя.

— Хорошее уточнение. С него и надо было начинать.

Но перевязывать крыло не понадобилось. По словам Феникса, ледяную нить следовало согреть, а потом осторожно снять. Не растопить в огне, не рвануть и ни в коем случае не положить в микроволновку. Последнее Селена не предлагала; обидно было услышать это заранее. Она принесла грелку, обернула её наволочкой и положила рядом. Птица подвинулась ближе, прикрыла глаза. Лёд на крыле потемнел и отпустил несколько тонких перьев.

Селена работала мокрой ватной палочкой. Через пять минут у неё затекла шея. Феникс помогал тем, что считал вслух: «Ещё одна. Нет, это моя. Эту оставь». Когда она сняла последнюю льдинку, он пошевелил крылом и сдержанно похвалил. Не врача, а именно её. От этого похвала оказалась приятнее. Потом желудок птицы так громко заурчал, что они оба уставились на камин, пытаясь обвинить вентилятор.

На кухне Феникс выбрал сухарь и два кусочка яблока. От колбасы отказался. Селена придвинула к нему начинку для пирога, но он посмотрел на корицу и решительно замотал головой: пряности сбивали след, а ему ещё требовалось вернуться на пересадку. Говорил он об этом так буднично, будто опаздывал на трамвай, а не прилетел в квартиру сквозь синее пламя.

— Тебя кто-то гнал? — спросила она, убирая вату.

Феникс перестал жевать. От окна отделился негромкий щелчок. Не удар, не хруст, а словно кто-то проверил зубами край стакана. На стекле появились два белых кружка. Селена сначала приняла их за снежные комочки. Затем кружки моргнули, а между ними проступил длинный прозрачный нос.

— Отойди от окна. Медленно, — сказал Феникс.

Она отступила к холодильнику. Снаружи на узком карнизе стояло существо размером с собаку, собранное будто из треснувших сосулек. Короткая грива топорщилась осколками; челюсти постукивали в точном ритме кухонных часов. Второе существо перебралось на водосточную трубу. Там, где его лапа касалась металла, появлялся белый налёт. Квартира была на четвёртом этаже, но ни то ни другое не считало это препятствием.

Селена потянулась к телефону. На экране мигало мамино сообщение: «Мы внизу. Тесто не трогай. Скоро поднимусь». Позвонить маме и сказать «у нас ледяные собаки»? Она пред-

ставила, как папа возвращается со стульями, останавливается перед окном, а звери переводят глаза на него. Телефон у неё в ладони стал тяжёлым. Она не убрала его, но не нажала кнопку.

— Им нужно что-то здесь?

— Маршрут, — ответил Феникс, прижав левое крыло плотнее. — Я нёс кое-что. Они потеряли мой след, когда ты выключила мигание, но нашли холод от крыла. Сейчас не поймут, куда я делся. Если я не стану торчать на столе.

Селена медленно опустила кухонную штору. Ткань зацепилась за ручку окна; девушка освободила её, не приближаясь лицом к стеклу. Гиена провела носом по внешней стороне, и на шторе изнутри проступил узор инея. Холод тянулся не от щели, а прямо через целое стекло. Селена приложила к подоконнику кухонное полотенце, отступила и проверила входную дверь: заперта, цепочка на месте. Ей хотелось выполнить хотя бы те меры, которые она понимала без объяснений.

Телефон завибрировал в ладони. Папа прислал фотографию собранного стола: один край оказался выше другого, и к подписи «Почти ровно» он добавил линейку. Селена долго смотрела на смешной снимок. Потом написала: «Начинка готова. Я дома. Позовите, когда нужен пирог». Папа ответил, что сначала они спасут стол от диагонали, а потом мама поднимется за тестом. Селена перечитала сообщение два раза. До этого момента ей казалось, что оставленная кухня существует совершенно отдельно от ледяных морд за окном.

Она повернула экран к Фениксу и спросила, надо ли позвать взрослого. Птица не стала запрещать. Только попросила сначала убрать открытый след, чтобы никто не подошёл к стеклу, не зная про холод. Селена положила телефон рядом, звуком вверх. Если родители позвонят, она ответит. На этот случай всё ещё очень пригодился бы обычный ответ на вопрос «что у тебя происходит». Его пока не было.

Для укрытия Селена предложила духовку, но тут же отказалась от идеи сама, ещё до его взгляда. Кастрюля была мала, коробка от миксера шуршала. Деревянная хлебница стояла пустой: булку родители отнесли соседям. Девушка подняла крышку. Феникс осмотрел просторное нутро, примерился хвостом и неохотно согласился. Длинные перья удалось уложить по диагонали. Синяя искра выглянула из-под крышки, как недовольный ночник.

— Это временно, — сказала Селена.

— Разумеется. Я вообще рассчитывал на комнату с окном.

Она прикрыла крышку, оставив щель, и встала перед ней. На столе под тарелкой обнаружилась узкая полоска бумаги. Ещё несколько минут назад её там не было. С одного края бумага обуглилась синим, с другого шла рваная косая линия. К квадратной печати прилипло перо. Печать изображала снежную ветвь, но один луч справа будто сломали. Над ней сохранилось: «Отправление 30 декабря. Пере…»

— Это выпало у тебя?

Из хлебницы донеслось приглушённое: «Не потеряй. Главное было под левым… Сейчас я достану».

Крышка подпрыгнула, полотенце поехало набок, и на стол выпал браслет: три тесно переплетённые нити, чёрная, красная и синяя. На маленькой подвеске была птица с расправленными крыльями. Селена не спешила брать находку. Снаружи ледяной зверь приложил к стеклу лоб. По окну побежали тонкие трещинки инея. Он щёлкнул зубами, и кухонные часы на стене пропустили удар.

В хлебнице стало очень тихо. Девушка наклонилась, испугавшись, что Феникс потерял сознание, но он прошептал, что экономит силы. Переход откроется только с его якорем и с её разрешения. Разрешения на что? На уход в безопасное место, где умеют чинить не только крыло. Никто не потащит её за рукав; если она откажется, он попробует открыть путь один. Только ему нужна ладонь, способная подержать нити ровно.

— Там люди есть? — спросила Селена.

— Лучше. Там Кицунэ. И горячий чай. Иногда даже одновременно.

Стекло потускнело целиком. Селена положила обрывок в карман пижамы, взяла браслет и подняла крышку. Она не обещала идти в неизвестность навсегда, спасать мир и немедленно становиться храброй. Она сказала только: «Да, я помогу тебе добраться». Этого оказалось достаточно. Подвеска легла ей на ладонь, синие нити натянулись, и кухня мягко качнулась, как мостик под первым шагом.

Перед тем как свет погас, Селена увидела, что яблоки в миске остались целыми, прихватки всё ещё висят на стуле, а на двери холодильника приклеен листок с маминым рецептом. Она почему-то запомнила последнее слово: «Вернуться». Это была папина приписка к списку продуктов. Сейчас она казалась важнее всего списка.

Глава 3 Девять хвостов и одна ошибка

Кухня исчезла, но холодная вода в носки не хлынула. Селена стояла по щиколотку в прозрачной глади, и там, где она переставляла ногу, расходились круглые звёзды. Над головой тоже были звёзды. Ни потолка, ни стен, ни даже приличного берега, на котором можно было бы решить, что теперь делать. В одной руке девушка сжимала полотенце, в другой — браслет. Феникс сидел на полотенце и выглядел человеком, который рассчитывал добраться с большим достоинством.

— Мы утонули? — спросила она.

— Нет. А чашка, кстати, всё ещё у тебя.

Селена поняла, что всё ещё держит его чашку за обломанную ручку, только прижимает к животу вместе с полотенцем. Поставить её оказалось некуда. Она присела и осторожно отпустила посуду. Чашка покачнулась на воде и поплыла к одинокому островку, где в воздухе висели шкафы. Островок состоял из широких досок. На досках стояли стол, чайник, несколько стульев и женщина с девятью хвостами.

Один хвост закрывал ящик, второй держал ситечко, третий листал толстую книгу. Остальные, видимо, работали посменно. Белые волосы женщина заколола двумя карандашами; из кармана её тёплого халата с серебряной вышивкой торчала ложка. При виде Феникса она сразу отложила книгу, а хвост с ситечком продолжал заваривать чай самостоятельно.

— Наконец-то. Я уже отправила запрос на розыск. Ты почему прибыл из хлебницы?

— По обстоятельствам, — ответил Феникс.

— Обстоятельства с тобой путешествуют чаще багажа. А это?..

— Селена, — сказала девушка раньше птицы. — Я помогла ему снять лёд. За окном были звери, и ещё из открытки пропало слово. Но сначала мне бы понять, далеко ли здесь до дома.

Женщина взглянула на неё золотыми глазами и не стала ни восхищаться, ни объявлять необыкновенной. Она подвинула стул и спросила, не замёрзли ли ноги. Селена только теперь заметила, что вода сухая. Это сочетание казалось неправильным, но гораздо более удобным, чем мокрые носки. Птица перебралась со свёрнутого полотенца на край стола и поджала больное крыло.

— Кицунэ, дежурная хранительница Карты Вечности, — представилась женщина. — Не хозяйка всех чудес и не служба исполнения желаний. Если кто-нибудь скажет обратное, попроси письменное подтверждение. Обычно уже на этом месте разговор заканчивается.

Она щёлкнула пальцами. Из ближнего шкафа вылетела зелёная карточка, обошла островок кругом и приземлилась в чашку. Кицунэ вздохнула, вытащила мокрую карточку и перевернула. На обратной стороне значилось: «Накормить рыб». Селена посмотрела в воду — рыбы там не было.

— Восьмой хвост опять поменял закладки, — сказала Кицунэ. — Хорошо, что не распоряжение закрыть северный проход. Чай будешь?

Пока Феникс ел что-то похожее на маленький горячий пирожок, она разложила на столе полотенце, браслет и помятый обрывок. Кицунэ перестала улыбаться не при виде печати, а когда Селена показала фотографию открытки. Лиса приблизила экран, потом попросила прочитать предложение вслух. Девушка прочла, запнувшись на белом месте, и внезапно не смогла вспомнить, какое слово там стояло. Она знала минуту назад, написала его Нике — а теперь внутри фразы как будто закрыли дверь.

Селена торопливо открыла переписку. Сообщение сохранилось: «Завтра». От облегчения она громко выдохнула. Кицунэ поднесла к снимку чистый листок, срисовала белый промежуток и поставила рядом время. На столе были двое часов. Маленькие показывали поздний

вечер тридцать первого декабря; большие — начало двадцать девятого. Большая секундная стрелка бежала заметно быстрее.

— Они сломаны? — спросила Селена.

— Нет. Час у тебя — трое суток в соединённых с Картой землях. Семьдесят два к одному. Иногда кажется, что наоборот, особенно когда ждёшь кипящий чайник.

Кицунэ показала на маленьком циферблате едва заметную красную зарубку: домашнее время перехода. За пять минут дома здесь можно прожить шесть часов; назад при этом не вернуться ни на секунду раньше. Никакой ручки для отматывания не существует. Селена умножила числа, перепроверила и впервые за последние полчаса подумала не о том, как всё невозможно, а о том, как это успеть. Если мама поднимется через десять минут, в её распоряжении двенадцать часов. При условии, что здесь не начнутся перемены.

Она попросила чистую карточку и сама нарисовала два циферблата. Над одним подписала «дома», над другим «здесь». Кицунэ выдала линейку и красный карандаш, совершенно не обижаясь, что ей не поверили без рисунка. Селена отметила время входа и возможного звонка родителей. Потом поняла, что не знает точной минуты входа, и честно нарисовала вместо одной черты маленький промежуток. Феникс вытянул шею с подушки, но лиса велела ему считать только сухари.

Карточку девушка приколола к рукаву безопасной булавкой. Она могла смотреть на неё, не вытаскивая телефон зябкими пальцами. Кицунэ добавила маленькое дежурное окошко, где стрелки двигались одновременно с настоящими часами. Это не позволяло звонить домой или переносить вещи, зато не давало забыть, какое время имеется в виду. Селена проверила, снимается ли карточка. Снималась: никакой пожизненной принадлежности к чудесному месту булавка не требовала.

— Я могу уйти сейчас?

Кицунэ сразу кивнула. На краю стола возник круглый указатель: «Снежнин. Кухня. Согласие подтверждено». Но буквы в последнем слове дрогнули, а за ними проявился знакомый ледяной нос. Кицунэ прикрыла указатель ладонью. Вернуться можно, сказала она, только сначала дежурный очистит наружный карниз от следа. Иначе портал приведёт туда вместе с гостями. Феникс опустил голову: след оставил он.

— Гиены идут за украденным маршрутом, — пояснила лиса. — Не за тобой. Их делают из заколдованного льда. Они чуют недосказанное и очень любят всё, что ровно тикает. Сейчас они путают твоё окно с почтовым выходом. Я закрою ошибочный адрес. Это займёт время, а ты можешь остаться здесь и никуда не ходить.

Селена потрогала карман, где лежал обрывок. Ей не нравилось сидеть под присмотром, пока из Никиной открытки продолжали вытаскивать слова. Но ещё меньше нравилось, что ей стыдно попроситься домой: так запросто можно согласиться на любую глупость, лишь бы не показаться маленькой. Она спросила, чего от неё всё-таки хотят. Кицунэ не стала говорить загадками. Нужно было установить, где разошлись почтовые записи. Несколько пожеланий пришли без будущего времени; теперь пропажа добралась до обычного человеческого письма.

Феникс хотел добавить что-то бодрое, но зевнул так широко, что клюв щёлкнул. Кицунэ переложила его на тёплую подушку. Ему предстояло отдохнуть на пересадочной станции, а не немедленно лететь дальше. Селена увидела, как он собрался возражать, потом глянул на неподвижное крыло и промолчал. На краю подушки осталась крошка. Она пододвинула крошку поближе; он накрыл её лапой, будто это было важное распоряжение.

— Можно я сначала узнаю, что именно нужно проверить? — спросила она у Кицунэ. — А соглашусь потом. Не целиком на всё.

— Это лучший порядок из возможных.

Лиса сняла со шкафа табличку «Отдел недоставленных пожеланий» и повесила её на дверь, которой секунду назад не было. Из-за двери потянуло бумагой и снегом. Она взяла фонарь, но перед тем как идти, открыла маленькое окошко с домашними часами. В кухне по-прежнему горела лампа, миска стояла накрытая, а на телефоне висело новое сообщение Ники. Селена успела прочесть первые слова: «Я вспомнила. Там было…»

Сообщение не продолжилось. На глазах у девушки после многоточия появилась ровная белая полоска. Она крепче сжала полотенце, потом отложила его на стул. В отдел пожеланий следовало идти со свободными руками.

Глава 4 Отдел недоставленных пожеланий

За дверью стояли шкафы выше любого дома, какой Селена видела в Снежнине. Их ящики выдвигались сами собой; одни вздыхали, другие легонько посвистывали. На ближнем значилось: «Желаю счастья. Без адреса». Ниже помещались «Обязательно зайду», «Не успел сказать» и совсем крошечный ящик с надписью «Я больше не буду». Кицунэ миновала последний с выражением человека, которому всё уже обещали.

— Неужели вы читаете чужие письма? — спросила Селена.

— Только служебную опись. И строки, которые просят восстановить. Остальное запечатано. Даже мой девятый хвост не имеет права подглядывать, хотя очень интересуется.

Кончик хвоста обиженно отвернулся. Селена невольно улыбнулась, но тут увидела на длинном столе раскрытую открытку. На рисунке синица держала в клюве шарф. Под рисунком было написано: «В следующем году обязательно приеду. Мы…» Остальные слова отсутствовали. Не зачёркнуты, не стёрты; пожелание обрывалось на середине, и край пустоты поблёскивал, словно сахар на морозе.

Кицунэ достала карточку доставки. По записи открытку должны были отправить тридцать первого декабря из Ёловеи. Однако на свежем листе приёма стояло тридцатое. Селена наклонилась ближе. Цифры отличались не только датой: в числе тридцать один единица была написана пером, которое чуть цепляло бумагу, а ноль новой даты получился идеально ровным. Такое Селена замечала на старых картах, когда позднее дорисованные улицы получались аккуратнее настоящих.

— А вдруг просто исправили ошибку?

— Могли. Тогда внизу должна быть отметка, кто и почему исправил.

Внизу стояла квадратная печать, а объяснения не было. Снежная ветвь в её центре была цела, зато один луч справа не допечатался. Селена вынула из кармана свой обрывок и приложила рядом. Похожие печати смотрели друг на друга через стол. Кицунэ взяла лупу, изучила бумагу и попросила не делать выводов слишком быстро. Архивные оттиски ставили на разные отправления. Подобной меткой мог воспользоваться любой, кто имел разрешённую копию.

— Хранительница печатей Ивена знает, кому выдавали копии. Она работает в Ёловее. Я отправлю ей запрос. Но сперва сравним первичную запись. Она хранится не здесь.

Селена представила огромный шкаф, который сам не знает, что лежит у него в соседнем ящике, и осторожно спросила, нельзя ли просто позвонить на место. Кицунэ ответила, что позвонить можно, но ответ пройдёт по тому же маршруту, который они проверяют. Это как уточнять у человека, кто съел пирог, пока он вытирает рот. Полезно, только нужна независимая тарелка. Старую книгу отсылок держал страж Сосновой Заставы. Пожелания из Ёловеи проходили через него до смены почтового пути.

Одна из верхних полок дрогнула. Оттуда вылетел конверт, сердито ткнулся в лоб Кицунэ и остановился. На нём краснела надпись «СРОЧНО», а под ней мелким почерком: «Не открывать до весны». Лиса вернула его на полку хвостом и сделала отметку в журнале. Селена заметила, сколько всего ей приходится удерживать одновременно. В комнате не было других служащих. Маленькие окна показывали разные пороги, и в каждом кто-нибудь ждал.

— Вы не сможете сходить со мной?

— Если я уйду, переходы останутся без дежурного. Представь вокзал, где все стрелки решили устроить выходной. Могу открыть короткую безопасную дорогу, дать адрес и принять сигнал. Пойти должна не обязательно ты. Сначала я должна спросить, согласна ли ты вообще.

Селена подошла к окну с домашними часами. Минутная стрелка почти не сдвинулась. Она вспомнила Нику, которая ждала ответа, и собственное чувство, когда знакомое слово вдруг не удалось назвать. Это было неприятнее ледяных зверей: они хотя бы стояли снаружи.

Здесь кто-то мог вынуть из обещания встречу, а потом человек спокойно не прийти. И даже не понять, кого подвёл.

— Я посмотрю книгу и вернусь, — сказала она. — В Сосновую Заставу. Не к тому, кто это делает, и не куда-нибудь по пути. Мне нужно успеть домой.

Кицунэ записала её слова целиком. Подвеска на браслете повернулась к двери. Лиса объяснила: чёрная нить хранит пройденное, красная — то, где стоишь, синяя тянется к честно названной цели. Не к самой красивой формулировке. Если Селена скажет «вернуться домой», а сама надумает тайком пойти дальше, нити начнут путаться. Мысли браслет не читает, но намерение слышит в том, как человек выбирает шаг.

Для пробы лиса попросила её найти чай. Селена уверенно сказала: «Хочу туда, где чай», и синяя нить повела к пяти дверям сразу. За одной сушили чайные листья; за другой мыли чашки; в третьей кто-то спорил, какой чай вообще считается настоящим. Селена уточнила, что хочет выпить тёплый несладкий чай за столом Кицунэ. Лишние двери закрылись. Оставшаяся привела к её собственному стулу.

— А если сказать «хочу, чтобы всё стало хорошо»?

— Получишь очень убедительный узел.

От смеха Селена перестала стискивать плечи. Она закрепила браслет на запястье, не затягивая. Кицунэ достала пальто из маленького гардеробного окна: тёмно-бирюзовое, лёгкое, но с толстой подкладкой. Оно было из дорожного запаса, без чудесного самоодевания. Девушка накинула его поверх пижамы; в рукава пришлось продевать руки самой. Сапоги тоже не пожелали прыгнуть ей на ноги. Это почему-то внушало доверие.

На крючке не оказалось подходящих варежек. Кицунэ извинилась и выдала временные серые, слишком широкие. Они до этого принадлежали кому-то с шестью пальцами. Селена спрятала лишнее отделение внутрь и подумала, что на катке ей было бы гораздо стыднее. Здесь она хотя бы не знала никого из класса. Красный шарф хранительница взяла из корзины найденных вещей, проверив, что владелец уже получил взамен другой, и обмотала девушке шею.

Из соседней комнаты донёсся сонный птичий вздох. Феникс спал, и Кицунэ не стала его будить. Подушка под ним медленно двигалась к тёплому шкафчику пересадочной станции, где отдыхали проводники. Селена хотела оставить записку, но не знала, что написать. В конце концов вывела: «Я за книгой. Вернусь. Чашку сохрани». Лиса положила записку рядом с сухарём.

Для пути Кицунэ выдала ей жёсткую папку, пустой лист, карандаш и складной фонарь. Никакого меча. Вместо него — маленький колокольчик: если придётся звать, три неровных звона, потом пауза. Ровный стук, предупредила лиса, сейчас лучше не повторять. Селена подвесила колокольчик к молнии и с удивлением обнаружила, что одежда с карманами превращает даже неизвестность во что-то чуть более организованное.

Перед выходом она ещё раз прочитала точный адрес: Сосновая Застава, площадь часов, страж Гранит. Получить выписку из старой описи, сравнить дату, вернуться на Карту. Кицунэ открыла узкую звёздную щель. По ту сторону стояла ночь, но снег падал спокойно, без человеческой метели. Между деревьями виднелся тёмный силуэт на постаменте. Оттуда раздалось оглушительное «апчхи», и с ближайшей ели осыпался снег.

— Это страж? — спросила Селена.

— Да. Будь добра, не предлагай ему лимон. Он каменный. В прошлый раз это испортило нам целую неделю отношений.

Селена поправила папку под мышкой и шагнула через щель. Браслет на запястье был тёплым. На всякий случай она вслух повторила, за чем идёт: теперь у её собственной дороги тоже имелся адрес.

Глава 5 Лев с простудой

Сосновая Застава спала с открытыми ставнями. На площади не было ни одного человеческого следа, зато от фонаря к фонарю тянулись аккуратные дорожки маленьких лап. Снег на крышах лежал ровными шапками. К каждой трубе была прикручена дощечка: «Не закрывать. Дому дышать». Селена прочла ближайшую дважды. С тех пор как заговорила птица, указания для домов перестали казаться ей особенной нелепостью.

Посреди площади, под пустым циферблатом, стоял мраморный лев. Передние лапы он сложил торжественно, хвост обвил вокруг постамента. Лев выглядел бы очень величественно, если бы на нос ему не упала сосулька. Он косил на неё каменными глазами, не решаясь пошевелиться. Селена осторожно спросила, не он ли Гранит, и страж страшно обрадовался возможности отвлечься.

— Нет, я декоративная мебель, — прогудел он. — С восьмого века тут поставили. Совсем не с кем поговорить о погоде.

Он выдержал паузу, набрал воздуха и чихнул. Сосулька улетела в сугроб. С ближайшей лапы поднялось облачко каменной пыли; Селена откашлялась в шарф. Лев смущённо объявил, что у него не простуда, а мелкий архитектурный сквозняк. Столетия ухода — и никто не проверил соединение шеи с гривой. Девушка предложила заткнуть щель снегом, но Гранит посмотрел на неё так, что она сразу поняла: совет с лимоном был бы ещё хуже.

Папку он изучил с неожиданной тщательностью. Уточнил имя дежурной, попросил повторить задачу и велел не становиться на третью плитку. Третья плитка, выяснилось, служила звонком. Если наступить, проснётся вся площадь и начнёт выдавать праздничные поздравления. В прежние годы это было весело, а теперь некоторые поздравления не могли закончиться. Гранит не любил слышать, как людям приходится начинать заново.

— Получить выписку из описи отправлений на тридцать первое декабря, — прочитала Селена. — Сравнить с копией, где стоит тридцатое. Вернуться на Карту.

— Хороший короткий план. Большие беды обычно начинаются с длинных планов, в которых все говорят «потом разберёмся».

В боку постамента открылся ящик. Там лежала книга, обёрнутая грубой тканью, и простые шерстяные наушники. Гранит отказался обсуждать наушники. Он попросил открыть книгу у красной ленты. Селена присела на сухой каменный бортик: под выступом не было снега, будто кто-то специально сохранял там место для читателя. Варежки мешали переворачивать листы. Девушка сняла одну, сунула под мышку и сразу пожалела: от мороза ногти начали ныть.

Записи шли рядами. Название места, номер маршрута, время отправления, ответственный. У тридцать первого декабря стояло: «Последняя праздничная передача. Двенадцатый удар. Подтвердить окончание». На свежей копии слово «последняя» сохранилось, но дата сместилась на день, а вместо окончания появилось «продолжать до уведомления». Селена повела карандашом по строке, не касаясь бумаги. Это были уже не похожие цифры. Одно распоряжение позволяло закончить дело, другое заставляло его повторять.

— Вы сами писали? — спросила она.

— Я диктовал. Если бы я сам писал, ты бы сейчас читала царапины.

Подлинность старой записи Гранит подтвердил вмятиной на полях: однажды уронил туда чернильницу. Вмятина расплющила нижний конец единицы. На копии она тоже была, только ни до какой единицы уже не доставала. Цифру изменили после копирования. Селена зарисовала оба варианта. Ей хотелось немедленно объявить открытие, но она вспомнила Кицунэ и подписала иначе: «Различие проверено. Кто изменил — неизвестно».

Лев одобрительно пошевелил ухом. Девушка испугалась, что от него отломится крошка, но ухо держалось надёжно. Гранит сказал, что оригинал он не отдаст даже дежурной Карты. Не из вредности: если исчезнет и книга, останутся только версии. Вместо этого он дал тонкую восковую пластинку для оттиска. Селена прижала её к странице через специальную прозрачную прокладку, и на воске проступили строки, вместе с расплющенной единицей.

На следующем развороте была карта. Одну дорогу аккуратно сняли с печати — не закрасили, а оставили длинное белое русло. Вокруг него продолжались деревни, мосты и горные контуры. Так на домашней карте выглядел след от когда-то снятой наклейки. Селена заметила сходство прежде, чем успела его обдумать. В середине пустоты стоял крошечный знак полумесяца, обрезанный краем новой рамки.

— А там была страна?

— Маршрут, — поправил Гранит. — На другой стороне жили люди. Может, и теперь живут. Я храню свою Заставу и её записи, не заглядываю во все окна сразу. Прошлый смотритель закрыл направление, новый убрал название. Людям от этого не перестало быть куда возвращаться. Просто почте стало некуда их искать.

Имя нового смотрителя оказалось Малгор. Гранит произнёс его без рычания, но выпрямил каменные плечи. Когда-то тот следил за зимним календарём и требовал отчётов о каждой задержке. Теперь правил Империей Теней, а запросы от него приходили с приказами. Страж не знал, зачем Малгору потребовались старые отправления. Он уже отказал его курьеру и ждал повторного запроса. Отдельно уточнил: настоящие курьеры стучат в дверь. Не скребутся в стену.

Где-то под площадью щёлкнуло. Селена сначала подумала, что замёрзла вода в трубе. Затем ещё один щелчок отозвался слева, у фонаря. Под пушистым снегом медленно проступили два стеклянных уха. Гранит велел девушке убрать оттиск в папку и не стучать каблуками по плитам. Его собственные когти уже цеплялись за постамент, отчего камень тихо гудел.

— Мне на Карту, — шепнула Селена браслету.

Синяя нить потянулась к переулку, но у входа туда сидела вторая гиена. Её челюсти двигались в такт пустым часам на площади: стрелок не было, а счёт всё равно шёл. Зверь перевёл глаза с папки на колокольчик. Селена накрыла колокольчик ладонью. Она увидела, что оттиск слегка мерцает под картоном, как окно с невыключенной лампой. Прятать бумагу оказалось недостаточно.

Гранит издал низкий рёв. Первая гиена отступила, присела, затем снова поползла вперёд. Страж мог защищать площадь, но не мог сойти с постамента: каменная лапа, поднявшись, осталась соединена с основанием тонкой жилой мрамора. Селена поняла это без объяснений. Позвать помощь и ждать здесь означало привести ещё зверей к книге. Унести оттиск — означало хотя бы разделить их внимание.

— Если я побегу, они за мной?

— За тем, что в папке. Но я не советую…

Она тоже не советовала бы себе подобного. Просто третья гиена уже пыталась просунуть лапу в щель ящика, а книга лежала открытой. Селена захлопнула тяжёлую крышку раньше, чем ледяной коготь добрался до ткани. Слой инея лизнул ей варежку. Она вскочила, прижала папку к груди и бросила через плечо: «Спрячьте оттиски! То есть книгу!» Даже в такой момент перепутала самое простое.

На краю площади она остановилась не от храбрости, а потому, что не знала улиц. За елями виднелась дорожка с неровными следами и зелёной ленточкой на ветке. Синяя нить браслета качнулась туда же: ближайший открытый выход к Карте был в той стороне. Гранит велел держаться правее старой мельницы, не пересекать замёрзший ручей и не наступать на праздничные звонки. Слишком много «не» для одной незнакомой деревни.

— А наушники? — неожиданно спросила Селена.

Лев удивлённо моргнул. Затем понял и подцепил их клыком. Тёплая шерсть упала девушке прямо на грудь. Она натянула наушники поверх капюшона, папку спрятала под пальто. Гранит чихнул так удачно, что снежная пыль целиком укрыла первую гиену. Селена нырнула в переулок. Впереди не было готового решения, зато теперь имелись точная дата, тёплые уши и хотя бы одна проверенная дорога.

Глава 6 Пуговицы против зубов

У старой мельницы дорожка раздвоилась. Селена успела подумать, что мельницы на всех картах должны выдавать прохожим стрелки, и влетела в сугроб по колено. Сапог завяз. Сзади прокатился скрежет: гиена поскользнулась на гладком камне, но тут же вскочила. Селена выдернула ногу и оставила в снегу не сапог, как ожидала, а один из Гранитовых наушников: тонкая дужка треснула. Второй повис у подбородка и стукнул по молнии.

На звон молнии зверь повернул мгновенно. Девушка увидела не огромные зубы, а собственное маленькое отражение в его морде: капюшон съехал, шарф торчит, один наушник на лбу. Выглядела она действительно смешно. Только впервые за вечер ей было совершенно всё равно. Она сдёрнула оставшийся наушник с обломком дужки, сунула в карман и свернула к кривому забору.

Гиена не прыгнула вслед. Она застыла у оставшейся на снегу пуговицы — круглой, медной, с яркой царапиной. Пуговица оторвалась от манжеты пальто. Зверь ткнулся в неё носом и на секунду перестал стучать челюстями. Селена, уже перелезшая через нижнюю жердь, задержалась. Блеск. На колокольчик он тоже смотрел. Она тряхнула рукавом: на другом ещё держалась такая же пуговица, но оторвать её пальцами не удалось.

Во дворе обнаружилось корыто, вмёрзшее в снег, и поленница под навесом. Селена забежала за поленья, стиснула пуговицу зубами и тут же выплюнула: холодный металл прилип к губе. Хорошо, что никто из одноклассников этого не видел. Она нашла под навесом щепку, подсунула под нитки и вывернула. Пуговица отскочила в ладонь. Две гиены уже огибали забор с разных сторон.

Селена бросила пуговицу в корыто. Металл ударился о замёрзшее дно, звякнул и закрутился. Первая гиена рванулась на звук. Вторая замешкалась: колокольчик на молнии Селениного пальто звякнул совсем в другом месте. Девушка зажала его пальцами и скользнула через калитку, пока звери спорили носами над корытом. Лапы рассыпали ледяные искры. Она не стала смотреть, какая из гиен победила.

За двором начинался ручей. Именно тот, который Гранит велел не пересекать. Вдоль него тянулась еле видная тропинка, а на дальнем берегу темнели деревья. Селена пошла по тропинке, держась ближе к корням. Бежать всё время не получалось: воздух резал горло, в боку кололо. Она попыталась восстановить дыхание, считая шаги, но услышала, как сзади к её счёту присоединяется стук зубов. Пришлось сбиться нарочно.

— Раз, два, огурец, — выдохнула она. — Четыре…

Получилось глупо. И помогло. Ближайшая гиена ударила челюстями не в тот миг, будто споткнулась о звук. Селена перескочила через низкую ветку, пригнулась и уже приготовилась проползти под следующей, когда что-то круглое свистнуло мимо её уха. В снегу между ней и зверями раскрылось зелёное семечко. Воздух натянулся, словно прозрачная плёнка. Гиена врезалась в неё носом и обиженно зазвенела.

— Дальше будем любоваться или всё-таки двигаться? — спросили из-за дерева.

На нижней ветке сидела девочка в зелёном плаще. Каштановые волосы выбились из-под шапки; в них шевелились маленькие листочки. Глаза были зелёные, голос деловитый. В руке она держала ещё три семечка, а на колене у неё лежал сапог. Один. Второй был на ноге. Девочка быстро обулась, спрыгнула и показала на просвет между елями.

— Я Лира. Ты кто и зачем принесла сюда собак из стекла?

— Селена. Я их не приносила. Они сами.

— Все так говорят. За мной. Только не на лёд, он тут делает вид, что крепкий.

Лира бежала не быстро, а правильно: выбирала выступающие корни, прижимала ветки и отпускала их так, чтобы Селену не ударило. Девушка следовала за ней, стараясь смотреть под

ноги. За барьером послышался треск. Лира недовольно цокнула и велела не радоваться раньше времени: семя было из осеннего кармана, к зиме ослабело. Она вообще вышла проверить снег у переправы, а не устраивать ночные забеги. Селена не стала уточнять, зачем для проверки снега снимали сапог.

— Вода затекла, — пояснила Лира сама. — Не магия, обыкновенная дырка. Очень неприятное открытие в моём ботинке.

Тропинка упёрлась в наклонённую сосну. На её коре виднелось овальное пятно — точно дверь, только без ручки. Лира приложила ладонь к дереву. Под корой зашевелились корни. Оттуда пахнуло тёплой землёй и грибами. Но проход не открылся: посередине тонкой светящейся линии лежала ледяная заноза. Дриада выругалась словом «мох» так выразительно, что Селена немедленно запомнила интонацию.

— Мой брат говорил не пользоваться этим ходом. Говорил, что починит. Я думала, опять перестраховывается.

По ту сторону ручья рухнула ветка. Гиены вырвались из старого барьера и, вероятно, нашли Селенин след. Лира высыпала оставшиеся семена на ладонь. Одно оказалось пустым, второе проросло прямо у неё между пальцами, третье ещё годилось. Поставить ещё один барьер означало выиграть минуту, не больше. Выковыривать лёд руками — приморозить пальцы к стволу.

Селена оглянулась на воду. Под тонкой коркой льда всё ещё бежал ручей. Она не пересекла его — Гранит предупреждал именно об этом, — а встала на колени возле низкого берега. Зачерпнула воду временной шестипалой варежкой. Лира хотела спросить, что она делает, потом поняла и достала из кармана железную пластинку для очистки подошв. Селена лила воду на занозу, дриада поддевала край. Лёд постепенно перестал держаться за живую кору.

— Он не настоящий мороз, — сказала Лира. — Прикипел от гиен. Они сперва дорогу простужают, потом по ней ходят.

Вторая гиена выскочила между стволами. Лира бросила последнее семечко, не глядя, и тонкая зелёная стенка распахнулась вокруг девочек полукругом. Зверь ударился в неё плечом. По стенке побежали светлые жилки, одна тут же погасла. Селена вылила остаток воды, подцепила занозу щепкой и вытолкнула на снег. Раздался короткий хлопок. Дверь в коре приоткрылась ровно настолько, чтобы пролезла ладонь.

— Я полезу первой, — сказала Лира. — Ты не испугайся листьев. Они щекотные, но не нарочно.

Она нырнула в щель и исчезла. Не просочилась, не растворилась: просто оказалась там, где не могло поместиться даже её плечо. Селена осталась у прозрачного барьера одна. Ей захотелось вытащить браслет и потребовать прямо сейчас прежний стул на Карте. Но нить указывала в дерево: путь туда ещё оставался доступным. Девушка проговорила точную цель, прижала папку и боком шагнула следом.

Листья действительно защекотали уши. Красный шарф попытался остаться в проходе; кто-то с другой стороны дёрнул за конец, и Селена вывалилась на сухие доски. Первое, что она увидела, были две пары грязных сапог, стоящие на вежливой табличке «Вытирайте ноги». Вторым — город, поднятый над лесом. Между огромными деревьями светились окна, по мостам шагали люди с корзинами, а над головой росла нижняя сторона чьего-то сада.

Лира стояла рядом и хлюпала дырявым сапогом. На снегу позади больше не было ни гиен, ни ручья: дерево закрыло проход. Селена села прямо на доски. Подняться пока не получалось. Она рассмеялась — коротко, сердито и почти беззвучно, потому что дыхание всё ещё не восстановилось. Лира дождалась, пока она отдышится, и только потом спросила, цела ли папка. Значит, успела заметить, что преследовали их не случайно.

— Цела. А ты всегда сначала спасаешь, а потом спрашиваешь?

— Нет. Иногда мне не успевают ответить. Давай руку. Дома тепло. И брат будет очень рад, что я принесла ему не только мокрые ботинки.

По тому, как она это сказала, Селена поняла: брат не обрадуется. Но после ледяного ручья и треска барьера возможность рассердить всего одного человека казалась почти уютной. Она взяла протянутую руку, встала и впервые посмотрела на Ёловею без желания немедленно куда-нибудь бежать.

Глава 7 Дом, который чихает

В Ёловее даже лестницы не желали лежать без дела. Ближайшая тихонько выгибалась, выбирая удобный угол к ветке. Лира стукнула каблуком по первой ступеньке, предупредила, что идут двое, и только после этого потянула Селену вверх. Внизу остались фонари, похожие на закрытые цветы. Над головой скрипела широкая площадка с перилами из лозы; её никто не прибивал к стволу — дерево само вырастило опоры.

— Если ступенька уйдёт, не обижайся, — предупредила Лира. — Она думает, что помогает.

Ступенька действительно поднялась под Селенин сапог слишком рано. Девушка ухватилась за перила, папка въехала ей в подбородок. Лира извинилась за лестницу, а лестница скрипнула так, словно готова была извиниться за Лиру. Дальше они поднимались медленно. Селена заметила крохотные медные скобы на древесных суставах. Некоторые были новыми и блестели ярче остальных.

Дом сидел между двумя ветвями, как большое плетёное гнездо. На двери висели венок, список дежурств и один носок. Лира сняла носок прежде, чем Селена успела придумать вежливый вопрос, спрятала его в карман и постучала. Изнутри послышалось: «Ты опять ключи потеряла?» Дриада закатила глаза. Ключ болтался у неё на шее, но дверь, по её словам, с утра обиделась на сквозняк.

В прихожей пахло супом и мокрым деревом. Едва Селена переступила порог, дом шумно втянул воздух, затрещал потолочной балкой и чихнул. С крючка слетела шапка. Лира поймала её одной рукой, другой ухватила деревянную птицу с полки. Из кухни вышел юноша с тёмно-золотыми волосами и зелёными глазами. На его щеке тянулась тонкая полоса древесной пыли, а в руке был половник.

— Лира, я просил закрывать нижний ход. У нас теперь корни всю ночь кашляют. А это кто?

— Селена. Я её спасла. У неё документы, ледяные собаки и очень плохие варежки.

— Приятно познакомиться, — добавила Селена, пока перечень не стал ещё длиннее.

Юношу звали Элвин. Ему было шестнадцать, всего на два года больше, чем сестре и её новой знакомой, но он уже смотрел так, будто отвечал за все ступеньки города. Он не стал отбирать папку, только попросил сначала сесть и рассказать, куда её послали. Лира принялась говорить вместо Селены; Элвин поднял ладонь. Дриада надолго обиделась — приблизительно до появления супа.

Селена объяснила про Карту, Гранита и возвращение, которое не состоялось из-за гиен. Она не рассказала про исчезновение слова из сообщения Ники: сначала захотелось оставить хоть что-нибудь личное, не превращённое в отчёт. Элвин прослушал историю без комментариев. Когда она закончила, положил перед ней сухие носки. На одном была жёлтая груша, на втором полоски. Обувь, пояснил он, ставят рядом с печкой, но не вплотную — сапоги потом мстят усадкой.

Суп оказался густым, с маленькими клёцками. Селена держала ложку обеими руками, пока пальцы не перестали подрагивать. Лира уже спорила с братом о закрытом проходе. Он сказал, что предупреждал дважды. Она ответила, что предупреждение не считается, если его написали на листке между счетами за свечи. Селена хотела извиниться за сломанную ледяную занозу, но оба разом повернулись: занозы там вчера не было.

Элвин взял куртку с кресла и надел её не в тот рукав. Потом снял, поправил и попросил сестру никуда больше не ходить. Слишком быстро. Селена заметила его взгляд на папке. Он собирался что-то спросить, когда у двери звякнул колокольчик. Дом чихнул гораздо тише,

будто узнал приличного гостя. Лира побежала открывать, а Элвин сунул в карман куртки сложенный вчетверо листок.

На пороге стояла взрослая женщина в сером шерстяном пальто. Снег на её плечах не таял, а лежал мелкими аккуратными крупинками. На руках были митенки, в левой — плоская сумка с металлической застёжкой. Женщина сперва поправила слетевший венок, только потом поздоровалась. Лира сразу перестала спорить и пригласила её на кухню.

— Ивена, хранительница архивных печатей, — представилась гостья Селене. — Кицунэ сообщила, что у нас появился наблюдательный курьер.

— Я не курьер, — сказала Селена. — Я пока просто с папкой.

Ивена улыбнулась, присела и положила на стол конверт. От сумки едва заметно пахнуло гвоздикой, как от шкафа с пряниками. Селена машинально подумала о своих яблоках. Гостья объяснила, что дежурная получила предупреждение от Гранита: страж цел, оригинал спрятан, гиены отступили от площади. Для обратного пути потребуется новый адрес, потому что прямую дорогу временно перекрыли. Селена почувствовала, как у неё опускается ложка.

Но в конверте было не распоряжение оставаться. Кицунэ писала, что сможет прислать безопасный домашний переход к городской станции; надо только сообщить, когда Селена будет готова. На человеческих часах прошло меньше десяти минут. Рядом стояла деловая приписка: «Птица спит. Чашка спасена. Пирог ещё не опоздал». Девушка перечитала последнее два раза и наконец выдохнула. Дома никто не видел пустую комнату целую ночь.

— Передадите ей, что я в порядке? — попросила она. — Хочу сначала закончить сравнение дат. Но домой мне обязательно нужно.

Ивена достала квадратную печать. На боку темнел маленький скол. Она прижала её к ответной карточке, подержала и подняла: снежная ветвь, обломанный луч справа. Селена невольно взглянула на собственную папку. Женщина заметила взгляд и без колебания показала печать ближе. Такой оттиск стоял на всей архивной выдаче, объяснила она. Печать старая, починить рисунок нельзя, не заменив её номер в описи. Потому и берегут повреждение как подпись.

— Вам принесли странную копию, — сказала Ивена. — Я проверю, откуда её отправили. Можно зарисовать край обрывка? Оригинал лучше оставь при себе.

Гостья не пыталась забрать доказательство. Это успокаивало. Она аккуратно сняла рисунок на тонкий лист, попросила у Элвина ножницы и поблагодарила за чай, которого ещё не успела выпить. Селена не увидела в ней ничего подозрительного; скорее усталого человека, которому перед праздником добавили чужую работу. На её митенке был зашитый разрез для большого пальца — серыми нитками чуть темнее самой шерсти.

Когда Ивена ушла, Элвин наконец надел куртку. Лира спросила, не на дежурство ли он опять. Брат ответил, что проверит нижний настил, и отвернулся к двери. Из кармана выпал угол бумаги. Селена увидела только два слова: «Без огласки». Элвин сразу спрятал листок. Это было не доказательство чего-либо, и всё же её пальцы сами нащупали папку.

— Ты обещал отдыхать, — сказала Лира уже без насмешки.

— Сначала проверю. Потом отдохну.

Он оставил на столе ключ от мастерской и попросил не ходить на северную переправу. В отличие от носка, этот запрет не отправился в карман: Лира повторила его вслух, сердясь на себя. Дом снова коротко чихнул. На этот раз Селена заметила, что звук пришёл снизу, от корней, а в стакане у окна дрогнула вода. Как будто где-то далеко по живому дереву ударили тяжёлым инструментом.

Она помогла Лире вытереть стол и разложить носки у печки. Папку оставила на сухой верхней полке, подальше от супа и самодвижущихся веток. Ей хотелось спросить, почему брат не говорит, что чинит, но после спасения нельзя было начинать знакомство с допроса. Вместо

этого она поблагодарила за одежду. Лира оглядела шестипалую варежку, покачала головой и заявила, что подобное она не допустит даже в условиях чрезвычайной моды.

В комнате с маленьким круглым окном нашлась свободная кровать. Селена легла на край, не снимая браслета. За стеклом мосты ещё светились, город не спал, а внизу стучал Элвинов молоток. Ей предстояло всего лишь подождать нового адреса. Но на полке стояла чашка с треснувшей деревянной ручкой, и трещина очень напоминала пустую полоску в Никиной открытке. Мимо таких вещей у неё никогда не получалось проходить спокойно.

Глава 8 Чужие варежки

Проснулась Селена от того, что кто-то примерял ей варежку прямо на руку. Лира стояла рядом с кроватью, зажав под мышкой целую охапку шерсти. За круглым окном посерело, но солнце ещё не выглянуло из-за верхних ветвей. Девушка сонно выдернула ладонь. На ней осталась горчичная варежка с широким манжетом и маленькой кривой звёздочкой у большого пальца.

— Вот. Пять пальцев, — объявила Лира. — Проверено. Бабушкина вязка. Бабушка считала строго.

Селена села. Она проспала несколько часов, но дома, если верить маленьким часам на присланной Кицунэ карточке, прошло меньше трёх минут. От этого стало легче и немного обидно: обычную ночь тоже хотелось уметь так растягивать, особенно перед контрольной. Лира принесла ей хлеб с ягодами, потом вытряхнула на одеяло остальные находки. Тёплая кофта, шерстяные гольфы, мягкий пояс и сапожные стельки. Прежние сапоги высохли, но один всё ещё пах ручьём.

— Ты сколько за это хочешь? — спросила Селена.

Лира оскорбилась, затем задумалась и ответила: «Научишь меня рисовать такой мост, как на открытке. Когда я рисую мост, он похож на грустную колбасу».

Они договорились. Пижаму Селена аккуратно сложила, но футболку с луной надела под кофту: она была удобной, а запасной здесь никто не предложил. Тёмно-бирюзовое пальто Лира зашила на манжетах. Вместо потерянных медных пуговиц пришила две деревянные, разные по размеру. Девушка хотела попросить одинаковые, потом вспомнила, для чего понадобились прежние. Теперь на рукавах оставалась очень точная память о дороге.

После завтрака они вышли в город. Лира по пути объясняла правила. На подвесном мосту следует объявлять тяжёлую ношу, иначе переправа посчитает тебя лёгким и подтянется слишком быстро. Живые двери не любят пинков, даже случайных. Цветочные фонари утром надо закрывать, чтобы не мешать пчёлам спать. А если лавка просит пересесть, лучше выяснить причину, а не спорить: иногда у неё под доской проросло колено.

Селена хотела записывать, но не успевала. Ёловея пахла мокрой корой и печёной мукой. Из окон выпускали пар, дети тащили по переходам связки еловых веток, взрослые чистили снег там, где он мешал древесным суставам. Ничто не делалось само целиком. Магия помогала, но веники, лопаты и тёплые ладони всё равно требовались. Селена смотрела на расчищенный настил и чувствовала себя не посетителем музея, а человеком, которому сейчас тоже выдадут скребок.

Так и случилось. Возле мастерской Элвин пытался согнуть молодую древесную полоску. Он закрепил её в тисках и то нагревал паром, то отпускал. На верстаке стояла банка с маркировкой «Для живого. Не для варенья». Лира забрала у него кисть. Брат сразу предупредил, что от настойчивого дёрганья дерево только крепче цепляется за прежнюю форму.

— А если попросить? — спросила Селена.

— Попробуй. Только оно не понимает слова «ну пожалуйста» лучше, чем люди.

Она положила ладони на полоску и произнесла, что ей нужна ручка для чашки. Дерево не ответило. Селена наклонилась ближе, нажала — и полоска ловко разогнулась, подбросив ей в подбородок влажную щепку. Лира прыснула, тут же прикрыла рот. Элвин не смеялся. Он вынул щепку у Селены из волос, показал кольца на срезе и объяснил, где древесина ещё жива, а где просто держит форму.

Кольцо на его собственном пальце оказалось обычной мерной скобой. Настоящего Кольца Жизни у него не было. Для этого ремесла мало серебра: нужно самостоятельно собрать основу и знать, чему отдаёшь тепло. Элвин умел чинить переправы инструментами. Его настав-

ница когда-то пользовалась кольцом, но ушла на другую станцию. Он сохранил схему изготовления и давно хотел попробовать, только откладывал то из-за смен, то из-за недостающей росы.

— Оно умеет возвращать слова? — спросила Селена.

— Слова — нет. Ветку, которая ещё жива, можно поддержать. Маленькую трещину в живом дереве закрыть. Сухую доску не превратить обратно в лес. И себя вместо дерева не заморозить, если вовремя остановишься.

Он показал внутренний деревянный язычок старого замка. Снаружи металл был крепким; внутри от холода пересохла тонкая живая пружинка, выращенная специально для запора. Оживи её — замок снова откроется, но металл при этом никуда не исчезнет. Селена осторожно тронула пружинку кистью с тёплой водой. Дерево отозвалось слабым движением. Теперь она увидела то, чего раньше не замечала: не всякая неподвижная вещь мертва.

Лира достала схему из папки на полке. На ней аккуратно перечислялись серебряная основа, роса лунного цветка, перо рассветной птицы и слеза радости. Рядом была приписка: «Не пытаться заменить последнюю луковым соком». Селена засмеялась; Элвин серьёзно заметил, что хороший запрет всегда чей-нибудь опыт. На полке лежали две неудачные серебряные петли, совсем не похожие на кольца. Он не стал прятать их от новой ученицы.

В мастерскую заглянула посыльная с карточкой Кицунэ. Безопасный домашний адрес уже подготовили. Селена могла отправиться на станцию и уйти, когда захочет. Следом, на отдельном листе, хранительница сообщала о новых пустых строках: в Ёловее люди забыли несколько встреч. Никаких просьб остаться в карточке не было. Девушка перечитала её под светом окна и наконец рассказала Лире про слово в сообщении Ники.

Подруга выслушала без перебиваний. Потом вынула из кармана собственную записку: «После мастерской зайти к…» Имя в конце исчезло. Лира помнила, что собиралась занести кому-то хлеб, но кому именно, уже не знала. На бумаге ещё сохранился след от загнутого угла. Селена сравнила край пустоты с рисунком Кицунэ. Похожий тонкий блеск. Теперь помощь кольцом не казалась ответом на главную беду, зато могла пригодиться, чтобы до ответа добраться.

— Я останусь до проверки записей, — сказала она. — И хочу попробовать сделать кольцо. Не потому, что кто-то назвал меня особенной. Мне вчера помогли люди, которые могли пройти мимо. Я тоже могу сделать полезную вещь.

Элвин не дал обещаний. Даже если собрать всё, у неё могло не получиться. Учёба займёт большую часть дня; лучше сначала поесть и решить, сколько времени она действительно готова отдать. Лира уже тянулась за корзиной для росы, но брат остановил и её: собирать нельзя, пока смотритель оранжереи не подтвердит цветение. Селена неожиданно оценила эту занудную последовательность. В ней никто не требовал чудес к обеду.

Они нарисовали на обороте схемы маленькое расписание. Сначала оранжерея и просьба, потом птица. Слеза радости оставалась непонятным пунктом: Лира предложила смешить друг друга, но сама же зачеркнула. Селена записала рядом «не заказывать» и обвела. В карман пальто добавились карандаш, клубок ниток и сухарь на случай возвращения Феникса. Варежки она на этот раз не сняла даже ради красивого почерка.

Перед уходом Элвин попросил подержать полоску, пока он освобождает зажим. Селена не стала гнуть дерево силой. Она просто согрела ладонями место сгиба и дождалась, когда он покажет направление. Ручка получилась кривоватой, зато больше не ударила её в подбородок. Чашку с ней вернули в дом, а не спрятали как неудачу. Это была первая сделанная здесь вещь, которую Селена могла назвать своей, хотя помогали ей оба.

На выходе Лира спросила, не жмут ли варежки. Селена расправила пальцы внутри горчичной шерсти и покачала головой. Одна деревянная пуговица снова спряталась в слишком широкой петле. Лира поймала её, довернула ребром и довольно кивнула. Девушка сунула кар-

точку с домашним адресом во внутренний карман, отдельно от улик, и пошла следом за подругой.

Глава 9 Оранжерея наоборот

У входа в оранжерею требовали вытереть не ноги, а мысли. Селена остановилась перед табличкой. Лира прошла мимо, стряхивая снег с сапог, и посоветовала не стараться слишком сильно: надпись сделал человек, которому мешали посетители. Второй человек дописал ниже карандашом: «Ладно, хотя бы ноги». Девушка послушалась нижнего. Получалось понятнее и гораздо быстрее.

Оранжерея висела между тремя соснами под стеклянной крышей. Внутри было светло, хотя рассвет только пробирался между стволами. Из горшков росли цветы на длинных стеблях; одни отворачивались от ламп, другие, наоборот, тянули к ним чашечки. Под потолком свисали корни. Между ними ходил смотритель с лейкой, надетой на плечо, будто рюкзак. На его фартуке краснели четыре слова: «Я уже поливал сегодня».

— Росу? — переспросил он. — Все перед праздником просят росу, а кто-нибудь спросил, как чувствует себя цветок?

Селена не нашлась, что ответить, и действительно спросила. Смотритель удивился. Лира, привыкшая к подобным разговорам, уже полезла за пустым флаконом, но Селена придержала её локоть: сначала нужно услышать ответ. Оказалось, лунный цветок чувствует себя плохо. Он второй день не раскрывается, края лепестков свернулись, а капель на листьях нет. Дежурная запись уверяла, что всё выполнено правильно. Цветку запись явно не помогала.

Смотритель подвёл их к дальней грядке. На стекле над ней висела табличка «ЛУННЫЕ. К СВЕТУ». Цветы вытягивали тонкие стебли к холодной тёмной стене. Селена поначалу решила, что так и нужно, ведь они лунные. Но потом увидела треугольные царапины на деревянной рамке. Табличку недавно переворачивали. С обратной стороны было написано «СОЛНЕЧНЫЕ. ОТ ТЕНИ». Когда её перевернули вверх ногами, нижние слова скрыл подоконник.

— Я переставлял горшки по указателю, — признался смотритель. — Вчера сюда прислали помощника, он сказал, что теперь новое распределение света. Бумагу оставил, печать была.

Документ нашёлся в кармане фартука. Он пах мокрой землёй, и разобраться в других запахах Селена не смогла. Внизу стоял обычный круглый знак оранжереи. Никакой квадратной снежной ветви. Она не стала притягивать документ к своим подозрениям; просто попросила потом сохранить его и проверила дату. Двадцать девятое, как сегодня. Путать любой беспорядок с заговором было бы очень удобно и совершенно бесполезно.

Лунные цветы следовало вернуть под западное стекло, где последние ночные лучи отражались от специального зеркала. Только стекло снаружи закрыла корка льда. Смотритель пытался счищать её щёткой, но лёд снова намерзал: забился отвод талой воды. Лира предложила вырастить корень, который пробьёт корку. Смотритель представил себе корень в крыше и покрепче ухватился за лейку. Договорились сначала попробовать лестницу и деревянный скребок.

Селена осталась внизу страховать лестницу. Лира поднялась к люку. Снаружи тут же послышалось сердитое пыхтение: скребок упёрся не в лёд, а в крышку водостока, прихваченную к раме. Девушка внизу увидела, как по стеклу бежит вода и собирается возле одного угла. Из трубы ничего не вытекало. Она показала это смотрителю, тот снял решётку у пола и обнаружил внутри целый сад: в сливе проросло случайно уроненное семечко.

— Только не рви, — быстро сказала Лира сверху. — Оно же не знало, что здесь водопровод.

Смотритель вздохнул, но принёс горшок. Селена держала его на весу, пока он осторожно распутывал корешки. Работа оказалась значительно неприятнее любого волшебного заклинания. Вода текла в рукав, земля забивалась под ногти, к мокрому подолу пальто липла кора.

Когда корень наконец вышел целиком, из трубы с шумом полился поток. Лира вскрикнула, отдёрнула ногу, и с крыши посыпалась ледяная крошка. Селена внизу успела накрыть цветок пустым ящиком.

Несколько минут они молчали, слушая, как вода уходит по желобу. Потом смотритель снял с Лириной шапки обломок льда размером с ложку и сказал, что проверять водопровод всё-таки лучше с нижнего конца. Дриада согласилась удивительно легко. Селена отжала манжет и перевесила варежки возле тёплой трубы. Горчичная шерсть сразу потемнела. Новая одежда перестала быть новой; её почему-то было меньше жалко, чем она ожидала.

Взамен мокрых рукавов смотритель предложил рабочие нарукавники. Один оказался шире другого и всё время сползал. Лира прикрепила его к Селениной кофте прищепкой, после чего очень захотела показать результат брату. Девушка не разрешила. Тогда дриада сосредоточенно нарисовала на листке прищепку и подписала: «Новая застёжка. Проверена при наводнении». Смотритель забрал рисунок для доски полезных советов. Селена потребовала убрать имя.

Прежде чем вернуть горшки, они испытали слив ещё раз. Лира вылила воду сверху, Селена держала ведро у трубы, смотритель следил за соединением. Первую струю девушка пропустила мимо ведра, обрызгав сапоги, зато вторая дошла целиком. Труба больше не удерживала воду у крыши. Смотритель поставил на стенке дату проверки и собственные инициалы. Селена посмотрела на эту простую, открытую отметку и попросила оставить рядом рисунок прежнего расположения табличек — чтобы следующий помощник знал, что именно изменилось.

Горшки переносили втроём. Лира знала, как не тревожить корни, смотритель — где живёт нужный свет, а Селена следила, чтобы не перепутали таблички заново. Она положила у лунной грядки маленький серый камень: если помощник опять решит улучшить указатели, останется независимая отметка. И нарисовала на бумажке расположение стекла, трубы и зеркала. Карты годились не только для больших стран.

Когда зеркало очистили от конденсата, цветок развернулся. Не мгновенно, не с сиянием на весь лес. Сначала разжался один лепесток, затем второй. Внутри открылась бледная жилка, похожая на тонкую нитку. Рядом лежали капли, до этого скрытые складкой. Смотритель разрешил взять одну, с края, а не из середины. Остальное требовалось растению. Селена набрала крохотную росинку в стеклянную трубочку и заткнула пробкой.

— И это всё? — спросила Лира, с любопытством глядя на почти пустой флакон.

— А ты хотела ведро? — отозвался смотритель. — Тогда кольцо пришлось бы носить на телеге.

Селена спрятала трубочку в мягкий чехол. Она никак не ожидала, что ради одной капли придётся вымыть слив, перенести растения и починить чужую ошибку. Зато теперь знала, почему эта капля появилась. Невозможно было выдать её себе за красивое приключение по одному касанию подвески. Спина болела совершенно обыкновенно. Смотритель, заметив это, выдал обеим по тёплой лепёшке из кармана лейки. В другом кармане у него оказалась соль.

Пока они ели, в оранжерею пришла женщина с детскими варежками. Она остановилась у входа, посмотрела на свёрток и спросила, зачем вообще сюда шла. Не растерянно, а раздражённо: ей хотелось продолжить дело, которого она не помнила. Лира узнала соседку и напомнила про малыша-садовника, обещавшего забрать варежки утром. Женщина обрадовалась, но имени малыша вспомнить не смогла. Селена медленно перестала жевать.

Смотритель поискал запись на доске. Там стояло: «Принести варежки…», а после — то же чистое пустое место. Лира сразу рванулась искать ребёнка. Селена удержала её за рукав и предложила сначала спросить, кому холодно. В оранжерее работали только трое учеников. Один отозвался из-за бочки, без всякого волшебства. Женщина вручила ему свёрток, и дело наконец закончилось, хотя исчезнувшее имя на доске так и не вернулось.

На обратной дороге Лира шла тише. Потерять имя в записке оказалось неприятнее, чем перевернуть табличку: последнее можно было заметить глазами. Селена вынула карандаш и записала на отдельном листе встречу, варежки, пустую строку. Две истории уже не помещались в удобное объяснение про рассеянность. Она решила при первой возможности послать Кицунэ не своё впечатление, а точное описание.

Под аркой у выхода висела клетка без прутьев. На круглой веточке спала маленькая птица с пышным хохолком. Проснувшись, она попробовала спеть три ноты, сердито встряхнулась и начала заново. Третья нота снова сорвалась. Смотритель провёл ладонью по лицу и сказал, что рассветная птица сегодня тоже не в голосе. Лира посмотрела на флакон Селены, затем на клетку. Следующий пункт их списка сам объявился у двери.

Глава 10 Рассветная птица не попадает в ноты

Птица дождалась, пока все посмотрят в её сторону, и отвернулась. Она была размером с яблоко; белое горлышко украшала золотая полоска, а длинное перо в хвосте спускалось ниже круглой веточки. Селена спрятала пустой чехол для пера поглубже в карман. Если бы к ней подошли сразу с таким чехлом, она тоже не захотела бы петь.

— Она понимает речь? — тихо спросила девушка.

— Когда считает нужным, — сказал смотритель. — Сегодня, похоже, ни одного слова.

Лира весело поздоровалась. Птица выдала тонкую трель, оборвала её на середине и спрятала голову под крыло. На стене рядом с аркой висел маленький колокольный круг — двенадцать язычков, каждый со своей ноткой. В центре медленно двигалась стрелка. Через равные промежутки она задевала металл, и птица пробовала повторять. Селена раньше приняла круг за украшение. Оказалось, по нему проверяли утреннюю песню, которая будила цветы.

Смотритель снял кожух, покрутил колесо. Все язычки стояли на месте. Лира постучала по одному веточкой — чистый звук. По второму — тоже. Птица заинтересованно высунула голову, но когда стрелка снова пошла кругом, насупилась. Значит, дело было не в одном сломанном зубце. Селена присела рядом и решила просто послушать. С третьего повтора у неё возникло неприятное чувство: круг словно перескакивал через место, на котором хотелось вдохнуть.

— Одиннадцать, — сказала она.

— Чего? — Лира уже собиралась спеть вместо птицы, раз та не желает.

— Звуков. Их одиннадцать. А язычков двенадцать.

Они пересчитали вместе. Смотритель даже поставил возле каждого мелкую чёрную точку. Последний язычок стрелка обходила, чуть приподнимаясь на кривом выступе. Под выступом была вклеена полоска плотной бумаги. Он вспомнил, что вчера круг забрали для праздничной настройки, а сегодня вернули с заверением, что теперь он не собьётся до Нового года. Не сбивался он действительно исправно — просто каждый раз выдавал одну и ту же ошибку.

Селена хотела вынуть бумагу. Смотритель перехватил её руку: круг был соединён с остальными утренними часами, и без отдельного ключа его нельзя резко останавливать. Если сорвать связь, цветы уйдут в дневной сон раньше, чем наберут свет. Поэтому пока он мог только снять стрелку с привода и разрешить птице петь без подсказки. Девушка записала это слово: «Настройка». Похожее происходило с датами в описи. Но между двумя странностями ещё не было мостика.

Освобождённая от круга птица вовсе не обрадовалась. Она уже так много раз пыталась подстроиться, что сама перестала понимать мелодию. Лира заверила, что музыка — её сильная сторона, и свистнула. Смотритель закрыл глаза, а птица тут же зажала голову обоими крыльями. Дриада обиделась. Селена нашла достоинство: теперь они знали, что голос у птицы всё-таки не единственная причина беспорядка.

— Я могу держать ритм, — предложила она. — В школе отбивала ложками на концерте. Мне сказали больше не приносить ложки, но ритм похвалили.

Она взяла две деревянные палочки, простучала медленно и сбилась уже на пятом ударе. Горчичные варежки мешали чувствовать палочки, а без них мёрзли пальцы. Лира протянула резинку, скрепила пару так, чтобы Селена могла сжимать их одной рукой. Получилась смешная трещотка. Птица вылезла из-под крыла и с подозрением посмотрела на новый инструмент.

Смотритель принёс старый лист с нотами. Селена читать ноты умела плохо. Лира умела уверенно, но не те. Поэтому они сперва спели начало по очереди, никак не стараясь изобразить птичий голос. На последнем такте смотритель брал высокую ноту, от которой дрожали стёкла.

Лира тихо хихикала ему в спину. Селена сбивалась от её смеха, и птица всё больше наклоняла голову: происходящее оказалось интереснее ошибочной стрелки.

Наконец она чирикнула в паузе. Селена замолчала. Птица спела ещё раз, чуть длиннее, и остановилась, будто проверяя, не полезут ли люди помогать. Лира стиснула губы обеими ладонями. Смотритель сделал вид, что внимательно изучает свою лейку. Селена продолжала тихонько считать трещоткой, оставляя на двенадцатом ударе достаточно места. У птицы получилось дотянуть последнюю ноту до самого конца.

Три белых цветка под аркой одновременно раскрылись. На стекле заблестели первые настоящие лучи. Рассвет оказался не вспышкой, а тонким переходом от серого к тёплому. Селена поймала себя на том, что улыбается птице, совершенно забыв про пустой чехол. Та встряхнула золотую полоску на горле, взлетела с круглой веточки и села ей на запястье. Коготки осторожно держались за рукав, не трогая браслет.

— Нам нужно одно перо для кольца, — честно сказала Селена. — Но если ты не хочешь, можно не давать.

Птица посмотрела на неё, на Лиру и на трещотку. Затем расправила хвост, выбрала клювом тонкое крайнее пёрышко, уже державшееся свободно, и положила Селене в ладонь. Девушка не стала хватать его сразу. Сначала поблагодарила, подождала, пока птица улетит, и только потом убрала подарок. В чехле он светился совсем слабо, как оставшаяся под тканью полоска утреннего окна.

Лира попросила подарить ей тоже что-нибудь. Птица обдумала просьбу и оставила на её плече щепочку. Селена расхохоталась, не успев закрыть рот. Дриада торжественно заявила, что это важный музыкальный инструмент, и спрятала щепку рядом с семенами. Смотритель выдал им записку с подтверждением добровольного подарка. Оказалось, в городе некоторые умудрялись предъявлять птицам бумагу даже после того, как птицы всё уже объяснили.

Они помогли отнести колокольный круг в мастерскую. Элвин увидел вклеенную полоску, нахмурился и позвал смотрителя отдельно. Селена не стала подслушивать, зато попросила не выбрасывать бумагу после ремонта. На краю виднелась светлая клетчатая насечка — такая бывает, когда тонкий лист отрывают от бирки. Это ещё не совпадение с её обрывком. Просто повод положить предметы рядом, когда появится возможность.

Элвин согласился, но заметил, что заказывать ремонт часов могли и праздничные распорядители, и архив, и смотритель площади. Слишком много людей для одного подозрения. Он был прав. От этого Селене стало досадно: простая разгадка выглядела бы гораздо приятнее. Она записала список возможных отправителей. Список занял целую сторону маленькой карточки, а виновным от этого не стал никто.

Когда они вышли, по улице уже несли праздничные ветки. Чёрная табличка возле почтового окна сообщала, что сегодня начнётся Ярмарка Переходов. Среди объявлений висел запрос о потерянной посылке с бумажными бирками старого образца. Селена задержалась, но Лира потянула её дальше: сначала домой, поесть, а потом новые расследования. От пустого живота и обычные цифры начинают выглядеть подозрительно.

Селена провела пальцем по чехлу в кармане. Росу они получили, когда помогли цветку; перо — когда перестали требовать пения. Осталась слеза, и к ней этот порядок пока никак не подходил. Заставлять себя радоваться казалось такой же плохой идеей, как заставлять птицу попадать в неправильную музыку. Она решила хотя бы не спешить. Эта мысль оказалась полезной ровно до того момента, когда из пустой варежки у мастерской донёсся чей-то испуганный шёпот.

Глава 11 Слеза не по заказу

Лира подняла варежку за манжет, и изнутри немедленно потребовали поставить потолок обратно. Она чуть не уронила находку. Варежка была старая, коричневая, с дыркой на ладони; сквозь дырку смотрел крохотный сердитый глаз. Второй глаз показался из-под большого пальца. Селена присела прямо на доски, не обращая внимания на мокрый снег.

— Мы не хотели. Ты там живёшь?

— Пока да, — ответили из варежки. — Если не будут трясти.

Лира осторожно поставила находку на бок. Из неё выбралось существо размером с её ладонь: пушистое, серовато-золотое, с тонкими ручками и всклокоченным вихром. На спине оно тащило узелок из обёртки от конфеты. Внутри что-то тяжело перекатывалось. Существо выпрямилось, попробовало придать себе солидный вид и чихнуло прямо в узелок. Из обёртки выкатилась единственная хлебная крошка.

— Пых, — представилось оно и немедленно прикрыло крошку ногой. — Это не вам.

Селена показала пустые ладони. Лира назвалась тоже, зачем-то уточнила возраст и место жительства. Пых осмотрел её плащ, листочки в волосах и карманы с семенами. В ответ сообщил, что возраст у него нормальный, а место жительства временное. Во время разговора он всё время косился на дверь мастерской. Оттуда вышли люди с новой коробкой ламп, и дух быстро попятился под варежку.

Один из рабочих заметил девушек. Он не удивился разговорам с находкой, только спросил, нашли ли они домашнего духа. Оказалось, Пых раньше жил в старом медном чайнике у печи. Чайник потёк, его заменили новым, а дух не пожелал переселиться в закрытый шкаф. Рабочие оставили ему корзинку с тканью, но утром Пых исчез. Его искали под верстаком и в дымоходе. Варежку у порога почему-то не проверили.

— В шкафу темно, — донёсся из-под шерсти голос. — И никто не приходит.

Рабочий смутился. Новая печь стояла за перегородкой, тихая и удобная, но рядом с ней больше никто не сидел. Люди брали горячую воду и уходили работать. Селена подумала об электрическом камине дома. Он тоже не нуждался ни в дровах, ни в присмотре, а всё равно возле него читали, спорили и сушили носки. Дело было не в настоящем огне. Может, Пыху заменили не чайник, а целую комнату.

Лира немедленно предложила свой дом. Пых спросил, есть ли там другие домашние духи. Лира замялась: дом иногда чихал и двигал полки, но это было дерево, не отдельное существо. Тогда Пых спросил, будут ли его каждый вечер перекладывать, чтобы протереть пыль. Лира пообещала, что не будут. Рабочий напомнил, что она сама однажды переставила гнездо светляков ради лучшего вида из окна. Пых ещё плотнее укутался коричневой шерстью.

— Я переставила обратно, — сказала дриада. — Они мне всю ночь показывали.

Селена достала хлеб, оставшийся от завтрака, и отломила маленький кусок. Положила рядом, не подталкивая к духу. Пых посмотрел, понюхал и переложил крошку в свой узелок. Еда не сделала его доверчивее, просто тяжёлая добыча перестала быть единственной. Он спросил, откуда Селена. Та рассказала про квартиру, где хлебница сейчас осталась без чрезвычайного пассажира. На слове «хлебница» дух поднял голову.

С собой в Снежнин она его не приглашала. Девушка не знала, как отнесутся к этому родители и мог ли Пых вообще жить в человеческом доме. Обещать, чтобы потом придумывать оправдание, не хотелось. Вместо этого она вынула временные серые варежки, которые после ручья сохли в её кармане. Шестое отделение по-прежнему загибалось внутрь. Если расправить, получалась отдельная маленькая комната.

— Можно попробовать это. Пока решаешь, где поселиться. Она сухая. И потолок можно застегнуть, чтобы не переворачивался.

Пых не побежал смотреть сразу. Он попросил поставить варежку рядом и отвернуться. Лира возмутилась: они же помогали. Селена всё-таки повернулась к перилам. Оттуда было видно мост, по которому шёл Элвин. Он нёс длинную деревянную рейку и, заметив сестру, показал на мастерскую. Лира махнула, что всё в порядке. Пых за их спинами шуршал так долго, что Селена успела сосчитать окна в соседнем дереве.

— Тут сквозит, — объявил дух наконец.

Они посмотрели. Пых сидел в лишнем пальце варежки, высунув только голову, и указывал на растянутую петлю у манжета. Селена достала нитки, оставшиеся после зашитых рукавов. Дух отступил поглубже, чтобы не попасть под иголку. Лира взяла два тонких прутика, соединила их перекладиной и сделала распорку. Теперь варежка держала форму, даже когда её никто не носил. Пых осторожно потрогал стенку изнутри.

В мастерской им нашёлся маленький деревянный кружок для пола. Элвин вырезал его из обрезка, который всё равно шёл в печь. Рабочий принёс кусочек плотной ткани. Никто не стал объявлять торжественное новоселье; каждый сделал простую вещь и вернулся к делу. Пых постепенно перестал вздрагивать при открывающейся двери. Он даже позволил Лире посмотреть, как внутри устроен узелок. Кроме крошек там хранилась одна медная стружка, очень красивая на свету.

— Будет зеркало? — спросила Селена.

— Будет красиво, — ответил Пых. И спорить оказалось не о чем.

Они подвесили новое жилище к ремешку Селениной сумки. Оттуда Пых мог видеть улицу и прятаться, когда захочет. Дух долго проверял высоту, потребовал поднять дом на два пальца, потом на один опустить. Лира не выдержала и сказала, что он очень разборчивый жилец. Пых согласился. Прежний чайник, по его словам, вообще был расположен неудачно, зато в нём разговаривали за чаем. Он надеялся, что теперь разговоров тоже хватит.

По дороге домой они остановились у нижнего настила. Там ветер был сильнее, и Селена хотела прикрыть варежку шарфом. Изнутри высунулась маленькая рука и поправила край красной шерсти, чтобы он не закрывал вид. Потом Пых поставил на пороге свою медную стружку. Даже на сером утреннем свету она ярко блеснула. Дух тихо, без требования и без осторожного «пока», сказал: «Я дома». Лира на этот раз не нашла остроумного ответа.

Селена почувствовала, как защипало в носу. Ей стало неловко: устроили жильё в старой варежке, а она сейчас разревётся посреди моста. Она отвернулась, сделала вид, будто попала снежинка. Лира молча протянула флакончик. Девушка хотела отмахнуться, но дриада спросила совсем тихо, хорошая ли это слеза. Селена кивнула. Крошечная капля легла на край стекла.

Пых заметил флакон и нахмурился. Пришлось объяснить про кольцо. Селена особенно подчеркнула, что не ради слезы они его переселяли: о ней вообще забыли. Дух долго смотрел снизу вверх, а затем велел так и записать. Лира послушно достала список ингредиентов и дописала рядом с последним пунктом: «Не по заказу». Под записью Пых поставил маленький отпечаток ладони, испачканной в хлебной пыли.

Дома их встретил вопрос, почему у Селены сумка чихает. Лира ответила, что в этой семье никому не следует удивляться чужим чиханиям. Дом скрипнул сверху, словно признал справедливость. Девушки пообедали и устроили новое жилище на устойчивой полке, пока будут работать с серебром. Пых потребовал оставить ему вид на окно и принял от Элвина крышечку воды, сделав вид, что сам давно собирался её попросить.

После еды Селена разложила на столе три маленьких чехла. На добычу росы ушло полутёмное утро, на перо — музыка, на слезу — неожиданное новоселье. В учебнике это могло занять одну строку: «Соберите ингредиенты». В жизни каждая вещь уже держала за собой человека или существо, которое она узнала. Если кольцо не получится, всё это всё равно не исчезнет. Мысль понравилась ей гораздо больше, чем обещание гарантированного успеха.

Элвин принёс серебряную проволоку и попросил убрать с подоконника чашки. Селена первым делом закрыла флаконы пробками. Потом спросила Пыха, не боится ли он жара. Тот выглянул из варежки и ответил, что боится только, когда его забывают. Селена передвинула его дом подальше от лампы, но поближе к себе. На этот раз никакой слезы не понадобилось: достаточно было места за общим столом.

Глава 12 Кольцо собственного изготовления

Первое серебряное кольцо получилось квадратным. Селена положила его на стол и долго смотрела. Лира предложила назвать форму смелой. Элвин сказал, что это хорошая тренировочная рамка, только пальцам придётся привыкать. Пых из варежки молча поставил рядом кусочек хлеба, будто серебряное недоразумение можно было утешить едой.

— Не распрямляй резко, — остановил Элвин. — Проволока запомнит излом. Начнём с другой основы.

Он отвёл её руку от инструмента, но сам плести не стал. Селена расправила схему, пересчитала места перекрёстков. В первый раз она слишком быстро затянула одну петлю, надеясь, что остальные догонят. Они не догнали. Получился угол, за который всё цеплялось. В этом было обидно много сходства с её привычкой откладывать маленькие дела, а потом пытаться сделать их одним рывком.

Вторую основу пришлось примерять на деревянный стержень, чтобы не сдавить собственный палец. Проволока была тёплой от ладоней и тонкой, почти как жёсткий волос. Селена то и дело подносила её ближе к свету. Лира держала лампу; луч гулял вместе с её вздохами. Тогда Элвин поставил лампу на полку, а сестре выдал отдельную работу: скрутить мягкую подкладку и следить за временем нагрева. Лира сразу перестала мешать и начала командовать минутами.

Кольцо не требовало странных клятв. На схеме стояли очень простые слова: назвать, что хочешь поддержать; понять, чем заплатишь; остановиться, когда станет холодно. Селена прочла их вслух. Ей хотелось сформулировать красиво — «защищать всё живое», — но она посмотрела на кривую чашку и сказала иначе: «Вернуть опору там, где она ещё есть». Так хотя бы было понятно, что делать руками.

Росу добавляли по капле на внутренний шов. Она не растеклась по столу, а легла вдоль серебра тонкой светлой полоской. Перо рассветной птицы оказалось слишком длинным; Селена испугалась, что его надо отрезать, но Элвин показал, как снять только мягкий пух, добровольно отданный вместе с пером. Оставшийся стержень они убрали в чехол. Не требовалось уничтожать подарок целиком.

Когда пришла очередь слезы, Селена вспомнила Пыха на пороге варежки. Внутренний шов замкнулся не сразу. Сначала серебро стало тусклым, будто покрылось водой, затем на маленьком узелке появилась прозрачная точка. Лира задержала дыхание. Пых заглянул слишком далеко и чуть не вывалился из дома; Элвин успел придержать его распорку. От неожиданности Селена фыркнула, и кольцо тихо звякнуло в ответ.

Никакого грома не случилось. Даже потолок не загорелся. Девушка надела кольцо и ощутила только, что пальцу стало чуточку теплее. Самодельные петли лежали неровно. Одно соединение пришлось подпилить, иначе оно цепляло бы варежку. Селена вертела руку у окна. Это было не великолепное украшение из сказочного сундука, а вещь, на которой она знала каждую ошибку. Спрятать её от взглядов больше не хотелось.

Для первой пробы Элвин принёс знакомый замок. Деревянная пружинка внутри почти не двигалась. Селена положила на неё палец с кольцом и попыталась заставить язычок разжаться. Ничего. Она нахмурилась, надавила сильнее — замок щёлкнул, ударив крышкой по её ногтю. Лира открыла рот, но брат опередил: давить и поддерживать не одно и то же. Кольцо не превращало её руки в удобные тиски.

Селена отложила замок. На секунду захотелось сказать, что серебро испорчено, схема неясная, вообще не нужно было начинать. Вместо этого она попросила показать древесину с другого края. Элвин снял металлическую пластину. Стала видна тонкая полоска, ещё гибкая внутри, но пересохшая по поверхности. Девушка смочила её водой, подождала и коснулась

снова. Теперь она не представляла себе готовый открытый замок. Она пыталась сохранить то, что уже двигалось.

Под пальцем прошла лёгкая дрожь. Язычок развернулся на четверть оборота. Этого хватило, чтобы освободить запор. Серебро похолодело, а вместе с ним — ладонь Селены. Она резко выдернула руку. Элвин сразу завернул её пальцы в полотенце и придвинул кружку. Ни похвалы, ни торжественной речи: сперва пить. Кольцо забирало тепло, и забыть об этом значило испортить удачную работу собственной усталостью.

— А целый мост можно? — спросила она, когда кожа перестала покалывать.

— Можно попытаться и остаться без чувств, — ответил Элвин. — Поэтому целый мост чинят не одним пальцем. И не одним человеком.

Он показал, как определить усталость дерева обычным шилом, не расходуя силу. Лира тем временем принесла сухой лист с улицы и попросила оживить. Селена попробовала едва заметно, готовая сразу остановиться. Лист остался ломким. Элвин не разрешил повторять: в нём уже нечего было поддерживать. Это не неудача, объяснил он, а граница ремесла. Серебро не возвращает всё, что жалко потерять.

После отдыха они вышли к лестнице дома. Третья ступенька треснула вдоль живой жилки: за ночь туда забилась вода. Элвин мог поставить скобу, но сначала требовалось соединить волокна, чтобы скоба не раздавила их. Селена опустилась на колени. На этот раз она заранее сняла только одну варежку, вторую подложила под ладонь и попросила Лиру следить за её пальцами. Если побелеют — сразу прервать.

Работа заняла меньше минуты. Трещина не исчезла бесследно; её края сошлись, словно два плохо подогнанных лоскута. Элвин закрепил скобу, Лира осторожно попробовала ступеньку ногой. Она выдержала. Селена обрадовалась так громко, что дом опять чихнул, и сверху посыпалась пыль. Пых возмущённо выглянул из варежки: на его красивую стружку упал мусор. Успех пришлось отметить уборкой.

Они не заметили пожилую женщину на нижнем пролёте, пока та не спросила, можно ли пройти. В её руках была тяжёлая корзина. Элвин поддержал край, Лира освободила дорогу, а Селена встала сбоку, затаив дыхание. Женщина ступила на починенное место и пошла дальше, ничего особенного не заметив. Из корзины торчала длинная морковка. На повороте она задела перила, женщина поправила её, и только тогда Селена выпустила воздух.

Дома её ладонь грелась о миску с кашей. Пых сидел на краю стола и выметал пыль из своего жилища крошечной кистью. Лира перерисовывала схему, добавляя возле цены тепла огромную кружку. Элвин проверил кольцо, нашёл заусенец и предложил Селене самой его убрать. Она работала медленно, не торопясь объявить вещь законченной раньше времени. Круглые дырочки в серебряном узоре получились разными, зато ни одна больше не цепляла шерсть.

Потом пришёл ответ Кицунэ. Гранит подтвердил старую дату; архив обещал к вечеру список выданных копий. Из разных мест поступили жалобы на пропавшие окончания пожеланий. Некоторые адресаты по-прежнему помнили обещание, другие уже забывали. Феникс проснулся и просил сообщить, где находится Селена. Последнюю строку дежурная дописала с нажимом: «Он съел всё, что не подписано. Это хороший признак».

Селена засмеялась и тут же спросила Элвина, сможет ли кольцо помочь его крылу. Он не обещал вылечить чужую магию. Снять остаточный холод и поддержать небольшое повреждение — возможно. Вернуть силы после переходов — нет. Селена записала это на карточке и сложила рядом с кольцевой схемой. Ей хотелось встретить птицу полезной, но ещё больше — не навредить собственным желанием немедленно всё исправить.

Лира отнесла их точный адрес к почтовому окну. Передавать его обычным незнакомым посетителям не стали; Кицунэ получила закрытую карточку на станции. Пока подруга ходила, Селена достала домашний адрес и сверила время. Пирог оставался возможным, хотя начинка,

наверное, уже пустила сок. Она написала на обороте записки самой себе: «Сначала спросить, болит ли. Потом помогать». Раньше подобная последовательность показалась бы ей очевидной. На деле её всё время хотелось перепрыгнуть.

К вечеру кольцо перестало казаться тёплым: ладонь привыкла. Селена вытерла стол, собрала короткие обрезки серебра, вернула неиспользованную проволоку. Квадратную первую попытку Элвин разрешил оставить. Пых немедленно попросил её для дверной рамки; в его варежке как раз не хватало одной границы. Так первая неудача тоже нашла работу, и Селена отдала её без сожаления.

Когда за окном послышалось знакомое потрескивание холодных искр, она не бросилась к двери. Сначала поставила чайник. Потом проверила, достаточно ли сухарей, и только после этого подошла к маленькому кругу синего света на подоконнике. Внутри уже виднелось чёрное перо. Селена прибавила ещё один сухарь. Из круга донёсся кашель, очень похожий на одобрительный.

Глава 13 Птица без инструкции

Перо на подоконнике привезла Лира. Оно лежало внутри защитного синего круга, который не выпускал холод и показывал, откуда запрашивают переход. Селена видела в круге знакомую подушку, край почтового шкафа и нетерпеливый клюв. Феникс спросил разрешения войти. Девушка посмотрела на Элвина; хозяин дома кивнул и попросил только не раскрывать огонь прямо на сушащиеся носки.

— Разрешаем, — сказала Селена.

Круг вытянулся тонкой щелью. Птица ступила на подоконник, спрыгнула на пол и неудачно приземлилась на левую лапу. Удержалась, немедленно выпрямилась и сообщила, что переход прошёл штатно. Лира посмотрела на перевёрнутую миску у печки. Элвин молча поднял её. Селена придвинула стул не птице, а себе, чтобы присесть рядом и увидеть крыло.

— Можно посмотреть?

— Там почти всё в порядке.

— Это не ответ.

Феникс помолчал и повернулся левым боком. После отдыха лёд исчез, но перья по краю крыла не укладывались ровно. Он пытался сложить их другим, здоровым крылом, из-за чего только больше сердился. Селена рассказала о кольце сразу с ограничениями. Она умеет немного поддержать живое, не может выдать новые силы и ещё учится. Если станет неприятно, надо сказать. Птица посмотрела на кривой серебряный узор и не спросила, почему он не красивее.

Лира принесла тёплую воду, Элвин устроил полотенце. Пых высунулся из своей варежки и немедленно убрал подальше медное зеркало: блестящие вещи сегодня привлекали слишком много внимания. Феникс представился ему полным званием, и дух спросил, есть ли вариант покороче. Птица ответила, что есть, но произнесёт позже. Селена не стала торопить. Важные имена иногда не хочется выдавать сразу, особенно когда тебя осматривают.

Она согрела пальцы, коснулась основания пера и не стала искать внутри какую-нибудь огромную силу. Под кожей билась мелкая живая дрожь. Кольцо отозвалось прохладой. Край крыла постепенно расправился, только одна тёмная полоса осталась жёсткой. Селена остановилась раньше, чем пальцы побелели. Ей очень хотелось закончить полосу, но Лира уже держала рядом варежку, а Элвин смотрел не на птицу, а на её руку.

Феникс осторожно поднял крыло и опустил. Получилось лучше. Он не сказал, что теперь совсем здоров, и от этой честности Селене стало легче. Пока она грела ладонь о чай, птица поела, потом попросила освободить место у окна. Дальше он мог справиться сам, пояснил Феникс. Только не надо пугаться. Лира немедленно отошла за стол — на случай, если слова «не надо пугаться» окажутся плохим предисловием.

Синий огонь прошёл по чёрным перьям снизу вверх. Селена ожидала дыма или вспышки и потому не сразу заметила, как изменилась тень на стене. Вместо круглой птичьей головы у неё появились растрёпанные волосы, вместо длинного хвоста — край плаща. Свет опал. На месте Феникса стоял юноша с чёрными взъерошенными волосами, в тёмной зимней одежде, расшитой синими пламенными линиями. Подкладка его плаща переливалась фиолетовым, а на левом рукаве застряло одно упрямое перо.

Он был ненамного выше Селены и, кажется, очень старался не опираться на спинку стула. Янтарные глаза остались прежними. Выражение лица — тоже: сейчас он объяснит, почему всё под контролем, а затем попросит ещё сухарь. От этого знакомого сочетания девушка растерялась сильнее, чем от самого превращения. Увидеть птицу человеком оказалось не страшно. Не знать, куда теперь смотреть, — гораздо сложнее.

— Арен, — сказал он. — Можно без «Тёмного». Это для маршрутов, не для супа.

— Сколько тебе лет? — спросила Лира с той прямотой, на которую Селена не решилась.

— Пятнадцать.

— Значит, сам тарелку донесёшь, — заключил Элвин и наконец выдал ему нормальную порцию.

Арен рассмеялся. Селена тоже, с облегчением: перед ней был не древний учитель, которого полагалось слушаться, а мальчишка на год старше, так же способный запутаться в собственном плаще. При посадке за стол плащ именно это и доказал. Лира вытянула край из-под стула и предложила пришить предупреждение: «Осторожно, мешает владельцу». Арен попросил крупными буквами, чтобы сразу читали на границе.

За едой он рассказал о проводниках. Ученикам доверяют знакомые переходы с проверенными якорями; незнакомый адрес сначала проходят вместе со старшим. Он нёс на Карту задержанное отправление и обнаружил, что расписание изменено. Пока пытался вернуться, гиены отрезали знакомую дорогу. В Снежнин его вынесло по старому открытому ответвлению. Там он увидел комнату с картами и тепло в окне. Никакого обещания встретить особенную девочку у него не было.

Селена неожиданно обрадовалась этому сильнее, чем хотелось показывать. Значит, она помогла не потому, что за неё заранее решили. Арен поблагодарил за грелку и за выключенную гирлянду. И за хлебницу — отдельно, с выражением мучительного уважения. Лира потребовала подробности. Селена показала руками размер хлебницы, Арен уточнил, что внутри он занимал пространство исключительно рационально. Пых пожелал осмотреть такое жилище при следующем удобном случае.

Закончив еду, Арен спросил, куда отнести тарелку. Селена показала на кухню, потом вспомнила, что она здесь гостья, а не хозяйка. Лира рассмеялась и выдала им по полотенцу: раз оба такие деловитые, можно вытереть чашки. У мойки стало тесно. Арен осторожно обходил левым плечом край полки, девушка ловила капли, стекавшие с плохо отжатой ткани. Несколько минут они говорили только «передай» и «сюда поставить?». Чёрные перья на полу и чайник между ними перестали выглядеть признаками невероятного события.

Когда дошла очередь до чашки со сломанной ручкой, Арен узнал её сразу. Кицунэ прислала посуду вместе с якорем, и теперь на сколе стояла маленькая метка возврата в Снежнин. Он хотел потереть её пальцем, но Селена остановила: в человеческом мире эта метка будет лишней. Вместо этого они завернули чашку в чистую ткань и оставили возле домашнего адреса. Впервые какой-то предмет собирался вернуться домой вместе с ней, а не только прийти оттуда.

Потом они вернулись к бумаге. Арен узнал серую насечку на краю обрывка: такие бирки использовали на Ярмарке Переходов для старых посылок. Его отправление тоже несли через ярмарочную сортировку. Там можно было проверить, откуда взялась подменённая дата, и, возможно, найти вторую половину листа. Но он не помнил номера лавки. Сказал это не сразу, а после того, как Селена спросила прямо. Она заметила короткую паузу.

Элвин предложил остаться до утра. Арен ответил, что ярмарка работает до вечернего бала, а старые бирки по закрытии сдают в переработку. Значит, ждать нельзя, если им действительно нужен край документа. Лира уже доставала сумку. Селена удержала её знакомым жестом и спросила, как вернутся. Арен назвал ближайшую станцию и показал запасное перо-якорь. После еды он мог сделать один короткий пробный переход, не больше.

Селена отправила Кицунэ точное сообщение: вернулась птица, зовут Арен, собираются проверить ярмарочную сортировку, цель — найти вторую часть бирки. Домой она всё ещё намерена вернуться до семейной полуночи. Пока писала, Арен сидел у окна и вычёсывал застрявшее перо из рукава. У него никак не получалось достать его другой рукой. Девушка спросила, помочь ли. Он посмотрел на неё, потом на рукав и кивнул без прежнего «всё в порядке».

Она осторожно освободила перо. Под тонкой тканью локоть был тёплым, совершенно обычным. Селена сразу отступила, занялась конвертом и написала не ту букву в собственном имени. Пых заметил, но ничего не сказал. Арен вместо насмешки просто подал ей чистый лист. Это было так спокойно, что неловкость понемногу перестала казаться катастрофой.

В дорогу он собрался последним. Сначала проверил карманы, затем ещё раз поел по настоянию Элвина, затем признал, что забыл ремешок для якоря. Лира отдала ему шнурок и сказала, что проводникам не помешала бы инструкция. Арен повесил перо под одежду, закрыл застёжку и предложил начать с простого правила: перед уходом считать всех участников. Пых из варежки немедленно поднял руку. Селена пересчитала четверых и впервые подумала, что идти вместе может быть не только безопаснее, но и веселее.

Глава 14 Три кармана на одну тайну

Для пробного перехода Арен выбрал расстояние от мастерской до пустого нижнего настила. Селена посмотрела на тропинку: пешком туда было минуты три. Он объяснил, что потому и пробный. Проверять больное крыло прыжком на другой край страны не входит в обязанности разумного ученика. Лира приняла важный вид и сказала, что обязательно запишет эту мысль на его плаще.

Перо-якорь требовалось оставить там, куда они собирались попасть. Лира отнесла его на настил, вернулась и подтвердила место. Арен положил ладонь на ствол, назвал выход и спросил согласия у всех. Пых согласился из варежки. Селена ответила отдельно. Круг синего света открылся достаточно широко, чтобы пройти, не цепляясь за края. На той стороне она увидела настил, скамью и красное ведро. Всё выглядело убедительно.

Оказались они над скамьёй. Точнее, на её высокой спинке, где хватило места только для одного сапога. Селена схватилась за Арена, Лира за Селену, а Пых обнял дверную рамку своего жилища. Красное ведро стояло внизу, примерно на уровне коленей, и совсем не помогало. Арен быстро удержал Селенин локоть, попросил не прыгать и повернулся боком, чтобы освободить ступеньку.

— Это и есть нижний настил? — спросила она.

— Его верхняя часть, — ответил Арен. Потом выдохнул: — Нет. Ошибка. Сейчас спустимся.

Они слезли без падения, если не считать достоинства. Лира достала якорь из щели между досками. Оказалось, скамью недавно переставили выше, к старому креплению, а знакомый Арену адрес относился к прежней площадке. Он видел изменение, но решил, что разница небольшая. Селена сидела на краю скамьи и растирала стукнувшееся колено. Ей хотелось рассердиться не из-за боли, а потому, что их не предупредили.

Арен разглядывал перо так внимательно, словно на нём можно было найти оправдание. Потом поднял глаза и сказал, что должен был назвать не только место, но и сомнение. Он не забыл правило. Просто очень не хотел выглядеть ненадёжным после собственного приземления у печки. Селена понимала это желание до неприятных мелочей. Всё равно понимание не отменяло скользкой спинки под ногой.

— Мне лучше знать, — сказала она. — Я тоже могу ошибиться. И тогда нас хотя бы двое будут смотреть.

Лира добавила, что трое, а из варежки возразили: четверо. Арен повторил новое правило вслух: если в чём-то не уверен — говорит заранее. Потом показал, как читать боковой знак якоря. Маленькая поперечная черта означала прежнее крепление; без неё перо бы не открыло именно этот выход. Селена зарисовала знак. Оказалось, полезную часть ошибки всё-таки можно унести с собой.

Вернуться в мастерскую они решили пешком. Арен не спорил. Лира шла впереди и объясняла мостам, что гостей четверо, хотя один находится в сумке. Пых потребовал не добавлять «с багажом». Он сам был жителем, а дом при нём — это имущество. Селена заметила, что Арен поднимает левое плечо выше правого, и спросила, не болит ли. Он ответил не сразу, но всё-таки сказал: устаёт. До ярмарки пойдут через городской общий переход, не через его собственную силу.

Перед выходом следовало пересобрать карманы. В пальто Селены они уже превратились в маленький архив: карандаш, верёвка, пуговичная щепка, чехол от пера, карточки, оставшаяся шестипалая варежка. Девушка выложила всё на стол. Арен принёс три плоских чехла и предложил разнести улики, рабочие вещи и домашний адрес. Если потеряется один карман, не исчезнет всё сразу.

Там же нашёлся сложенный край пижамной футболки, выбившийся из-под кофты. Большая луна смотрела вверх, а крошечный медведь под ней спал. Арен улыбнулся. Селена инстинктивно поправила одежду, приготовившись к шутке про детский рисунок. Он сказал другое: когда лежал на ковре, первым увидел луну над собой и решил, что попал в очень скромную лунную резиденцию. Там, правда, сразу выдали хлебницу вместо гостевых покоев.

— Лунная принцесса, значит? — усмехнулась Лира.

Селена почувствовала, как нагреваются щёки. Арен тут же посмотрел на неё серьёзно и спросил, не обидно ли. Можно забыть, он не настаивает. Девушка подёргала край кофты, подумала и покачала головой. Если это значило не «маленькая», а хозяйка комнаты, которая приняла странного гостя, ей даже нравилось. Только на людях лучше не надо.

— На людях я официально курьер без хлебницы, — согласился он.

Кицунэ ответила на их сообщение короткой карточкой. Поход на ярмарку она одобрила как проверку конкретной вещи. Домашний выход оставался доступен; по маленьким часам у Селены ещё было время. Лиса напомнила и о личном пере: его пламя держит связь с живым проводником; если связь оборвётся совсем, оно погаснет, но о месте и самочувствии один свет ничего не сообщает. На обороте стоял адрес городского перехода и фраза: «Долгов за спасение никто не ведёт». Девушка долго держала карточку на ладони. Наверное, хранительница писала это не впервые. Именно поэтому ей можно было верить.

Элвин дал им плотную папку с водонепроницаемым швом. Старый оттиск переложили внутрь, свежий обрывок спрятали отдельно в нагрудный карман Селены. Флаконов больше не было, серебряное кольцо оставалось на пальце под горчичной варежкой. Пых проверил крепление своего дома и получил от Лиры запас крошек. Арен вывел в списке «не снимать чужие печати без спроса» и показал ей. Подруга сказала, что теперь точно не собиралась, спасибо за мысль.

На городской станции билеты продавали через окно в стволе. За окном никто не сидел; надо было назвать место и дождаться, пока корни выберут свободную дорожку. Лира объявила Ярмарку Переходов и добавила «быстро». Окно выдало билет без времени. Арен попросил уточнить цель, не скорость. Тогда дриада объяснила, что им нужен отдел старых бумажных бирок до закрытия. Билет тут же обзавёлся номером и ближайшим сроком отправления.

Селена поняла, почему её собственное «хочу чая» открыло пять дверей. Слова здесь не становились сильнее от нетерпения. Им требовалось просто быть точными. Она подписала согласие, потом задержала пальцы на краю бумаги. В строке о возвращении лежала пустота. Не полная пропажа, а крошечный светлый зазор перед временем. Кассирский корень выдал новый билет, как будто ничего особенного не случилось.

Арен заметил её взгляд. Они попросили сохранить испорченный экземпляр, но окно уже собиралось втянуть его обратно. Пых первым схватил угол. Получилось не вытащить билет, а удержать на секунду, пока Селена сказала вслух: «Мы хотим сравнить его с новым». Корень разжал бумагу. Никто не знал, засчитывалось ли это как просьба или как внезапная вежливость пассажиров; спорить с удачным результатом не стали.

На новом билете имелось время отправления, место выхода и номер ярмарочной арки. Селена прочла всё дважды. Арен не поторопил. Потом попросил проверить и его карточку, чтобы не повторить историю со скамьёй. Это была маленькая уступка, но девушка заметила её. Она сравнила знаки, вернула билет и сказала, что теперь точно видит одну дорогу для всех. Пых из сумки подтвердил, что хотел бы именно одну.

Переход встретил их запахом горячего теста. За аркой висели ряды фонарей и разноцветных бирок, гудели голоса, скрипели санные полозья. На табличке над входом значилось: «Ярмарка Переходов. Убедитесь, что ваше желание действительно ваше». Селена усмехнулась, но прочла и мелкие буквы внизу. Там предупреждали: потерянным вещам вход бесплатный,

владельцам придётся доказать принадлежность. Они ещё не знали, насколько скоро это пригодится.

Арен придержал край арки, пока Селена проходила, и сразу убрал руку. Она не нуждалась в разрешении или поддержке на ровной дорожке, но место ей оставили. Лира уже спорила с автоматической вешалкой, которая пыталась принять её листочки за забытый головной убор. Селена шагнула к ней. Перед любыми чужими тайнами хорошо было разобраться со своей командой — особенно если команда застряла в гардеробе.

Глава 15 Вход по потерянным биркам

Вешалка отпустила Лиру только после того, как дриада доказала, что листья прикреплены к ней от рождения. Селена на всякий случай придержала шарф. Через арку люди входили с сумками, санками, свёртками и иногда с пустыми руками; выходили почему-то обязательно с бумагой. Бирки висели даже на сугробах. На одном было написано: «Чужой снег. Не возвращать хозяину в тёплом виде».

Слева продавали свечи, зажигающиеся от услышанной правды. Возле них стояла женщина и долго говорила, что ей совершенно не жалко денег. Свеча не загоралась. Справа мальчик торговал ленточками для подарков, которые не развязывались, пока получатель не скажет «спасибо». Лира захотела одну для брата. Селена спросила, не будет ли это вымогательством благодарности. Дриада подумала и выбрала обычную.

Арен повёл их к старой сортировке. Туда вела узкая дорожка, заставленная коробками, и очередь людей в курьерских жилетах. Без жилета посетителей отправляли к общему окну, где ожидание растягивалось до окончания ярмарки. Селена уже открыла рот спросить о порядке, когда над ними показались огромные рога, увешанные адресными карточками. Потом между коробками появилась широкая лосиная морда.

— Кто здесь не знает, куда идёт? — спросил лось. — Прошу встать отдельно. Это очередь к разъяснениям, не к приёму.

— Мы знаем, — ответила Селена. — Нужны старые бирки к отправлению, которое проверяет Кицунэ.

Лось приблизил очки, висевшие на цепочке под подбородком. Он не надевал их на нос: там они, по его словам, мешали думать. На кожаной сумке значилось «Мандариныч. Почта». Из сумки торчал угол пирога, очень аккуратно завёрнутого в бумагу. Девушка догадалась, что это не посылка, по двум свежим укусам на корочке.

Мандариныч прочёл карточку Кицунэ и велел всем четверым отойти от очереди. Пых удивился, что его посчитали. Почтовый лось ответил, что по службе обязан различать жильцов и багаж. Затем выдал три серых жилета, один тонкий шнурок с номером для маленького спутника и предупредил: это одежда временных помощников, не право забирать понравившееся. Селена застегнула жилет поверх пальто. Он был широк в плечах и делал её похожей на собранную кем-то не по инструкции посылку.

— Нам правда можно? — спросила она.

— Можно помочь разобрать потерянные адреса. Взамен осмотрите бумагу при мне. Почестному дешевле выходит.

Сортировка находилась в длинной палатке, внутри которой не было ветра, зато конверты иногда ссорились. Они лежали в трёх корзинах: «Откуда», «Где сейчас» и «Куда дальше». Третья корзина была почти пуста. Селена не стала радоваться порядку: по краям там белели обрезанные верёвочки, а несколько бирок лишились нижней строчки. В верхней части сохранились имена и места, будущее направление исчезло.

Мандариныч объяснил, что часть вещей потеряна давно. Найти владельца можно по отметке на самой упаковке: нельзя просто придумать красивый адрес. Он подвинул коробку, которая каждый раз возвращалась на прежнее место, и попросил узнать, почему. Лира сразу предложила три волшебные причины. Селена перевернула коробку. На дне оставалась старая бирка. Новый адрес был правильный, но коробка всё ещё считала главным прежний.

Они сняли старую бирку с разрешения лося, записали её номер и перенесли коробку в нужный ряд. Та осталась на месте. Мандариныч хмыкнул так одобрительно, что от колебания рогов посыпались карточки. Пых подхватил одну прежде, чем она упала в чернильницу. Дух

не умел читать длинные слова, зато очень хорошо различал, с какого края бумага надорвана. Он показал Селене крошечный зубец у отверстия. На их обрывке был похожий тип насечки.

Селена вынула улику, но не прикладывала её к чужим карточкам без спроса. Мандариныч согласился помочь и снял с верхнего крючка целую пачку старого образца. Край второй половины не нашёлся. Зато бумага совпала толщиной: серая, с тонкой светлой сеткой на просвет. Такие ярлыки, пояснил лось, в этом году больше не печатали. Их сдавали коллекционеру, который каждый вечер устраивал состязание пожеланий.

Пока лось искал номер выдачи, к окну подошёл мальчик с пустым ошейником в руках. В записке не хватало последней строки, и он не понимал, куда вести найденного зверька. Сам зверёк уже сидел у него за воротником, тёплый, круглый, с ужасно длинными усами. Лира хотела угадать хозяина по цвету ошейника. Мандариныч попросил не гадать и перевернул металлическую пластинку: на внутренней стороне сохранился номер. По нему нашлась карточка в обычном, не заколдованном каталоге.

Селена помогла мальчику переписать адрес крупнее. Не стала давать обещание, что зверёк обязательно узнает хозяина или больше никогда не потеряется. Просто показала ближайшую дорожку и попросила сопровождающего взрослого подтвердить, что они пойдут вместе. Когда посетители ушли, Пых заметил, что бумага почти вся цела, а маленькой пропажи хватило для большой путаницы. Мандариныч кивнул и добавил пустую строку в список повреждений. Селена посмотрела на очередь иначе: там ждали не отвлечённые отправления, а люди, у которых обрывалось вполне конкретное дело.

— Зачем ему чужие пожелания? — насторожилась Селена.

— Не чужие. Новые. Старые бумажки он отдаёт победителям. Слова слушать любит, а бумагу держать — ещё больше. У каждого своё полезное чудачество.

Коллекционер уже должен был пройти через сортировку. Его посылка стояла у выхода — небольшая, перевязанная белой бечёвкой. На ней висела бирка с обрезанным уголком. Арен наклонился, не касаясь, и увидел номер партии. Тот же, что сохранился у Селены. Мандариныч разрешил зарисовать и сказал, что лучше поговорить с хозяином, чем пытаться заглянуть в запечатанный свёрток. Почта начиналась там, где человек удерживался от любопытных пальцев.

Лира как раз удерживалась. Рядом лежали сапоги с блестящими носами, выставленные для возврата. На подошвах — стрелки, на ремешках — маленькие медные пряжки. Дриада тронула один носок и спросила, не самоходные ли это. Мандариныч попросил не нажимать пряжку. Слишком поздно: сапог бодро поднялся, переступил через шнур и забрался под стол. Второй немедленно последовал за ним, прихватив бечёвку коллекционерской посылки.

Селена не успела схватить коробку. Сапоги двинулись к выходу, волоча её следом, как санки. Мандариныч загородил дорогу рогами, но обувь ловко проскочила под ними. Лира выругалась своим коротким «мох», а Пых потребовал закрепить его дом, прежде чем начинать погоню. Арен подтянул ремешок сумки и взглянул на Селену, проверяя, готова ли она, вместо того чтобы сразу тащить за собой.

— Куда они идут? — крикнула девушка.

Мандариныч показал на табличку возле возвратной обуви: «Следуют к последней названной цели. Не пробовать возле угощений». Под табличкой остались только мокрые следы. Лира тихо призналась, что перед самым нажатием сказала «пироги». В её оправдание — пирог из лосиной сумки выглядел вызывающе хорошо. Селена взяла с прилавка свободную верёвку, спросила разрешения одним взглядом и побежала за подругой.

На общей дорожке курьерские жилеты неожиданно помогли. Люди пропускали их с выражением: опять почта что-то ловит. Один торговец указал нужное направление, другой придержал полог. Арен шёл не первым, а сбоку, чтобы видеть и коробку, и Селену. В птицу он не

превращался. Об этом она даже не спросила — после пробного перехода цена лишнего фокуса стала понятной.

За ближайшей палаткой сапоги остановились. Перед ними оказались сразу три пекарни. Они повернулись носами в разные стороны и застучали каблуками от нерешительности. Лира подкралась сзади. Селена уже хотела сказать «стой», но вспомнила табличку: последняя названная цель. Если сейчас крикнуть не то, обувь унесёт посылку совсем в другое место. Пришлось молча удержать подругу за край жилета.

Сапоги тем временем приняли решение и рванули к самой дальней пекарне. На повороте коробка задела столб, бумажная бирка отогнулась, и Селена увидела на её внутренней стороне квадратную половинку оттиска. Не просто бумага нужной партии. Находка уже действительно касалась их дела. Теперь вернуть посылку следовало особенно аккуратно. Они ещё ничего не доказали, а уничтожить край могли одним неудачным рывком.

Глава 16 Сапоги идут к пирогам

У третьей пекарни сапоги встали в очередь. Даже самоходная обувь уважала выпечку больше срочных приказов. Селена и Арен остановились за палаткой, переводя дыхание, а Лира попыталась пройти между покупателями. Её не пропустили. Она объяснила, что догоняет посылку, но женщина с пустой корзиной ответила, что все здесь кого-нибудь догоняют. Она, например, утраченную надежду на ватрушки.

Дёргать коробку за бечёвку было опасно: бирка держалась под самым узлом. Селена присела и увидела, как шнур зацепился за сапожную пряжку. Если нажать её снова, обувь остановится, но добраться до пряжки нельзя, не наступив кому-нибудь на ногу. Арен предложил зайти с другого конца прилавка. Селена кивнула, потом спросила у продавца разрешения. Тот решил, что им нужна работа, и сунул каждому по пустому подносу.

— Не пихайтесь перед печью. Горячие у правого края, остывшие у левого. Которые с сыром, не путать с яблоком. Хотя вчера никто не пожаловался.

Селена хотела объяснить, но очередь уже протягивала монеты. Пришлось сперва передать поднос, чтобы не опрокинуть целую гору булок. Арен встал рядом и за минуту запомнил, где какая начинка. Самое трудное оказалось не запутаться в количестве: всем требовалось «три, нет, четыре, и ещё тот». Селена называла заказы, он собирал. Не очень красиво, зато без падающих пирогов.

Лира с другого края наконец добралась до сапог. Но тут из печи вынули свежий противень, и обувь резко переступила ближе. Бечёвка натянулась, коробка ударилась о прилавок. Пых выглянул из сумки и сообщил, что узел сейчас распустится. Селена придержала бумагу подносом снизу. Арен осторожно прижал коробку коленом, оставляя пальцы свободными. Лира дотянулась до пряжки — и промахнулась: сапог поднял носок за пирогом.

— Цель! — выдохнула Селена. — Надо назвать новую цель.

Она указала на широкую доску сбоку и чётко сказала: «Вернуться к пустому месту у правой стойки этой пекарни». Сапоги перестали тянуться к еде. Повернулись так дружно, что Лире пришлось отскочить. По очереди наступили на доску, встали у стойки и замерли. Только после этого дриада нажала обе пряжки. Каблуки опустились с коротким щелчком. Очередь одобрительно зашумела, решив, что почта устроила праздничное представление.

Продавец забрал подносы и выяснил, что произошло. За помощь он выдал им три маленьких пирога, четвёртый, совсем крошечный, отщипнул для Пыха. Лира взяла свой с виноватым видом: именно пироги стали причиной погони. Селена не собиралась читать ей нотацию. Она сама ещё недавно чуть не полезла в чужой шкаф за конвертом. Но попросила в следующий раз сначала прочесть табличку до конца. Лира кивнула, прожёвывая.

Коробку осмотрели прямо на пустом прилавке. Бечёвка осталась целой, бирка — тоже, только на сгибе проступил свежий надрыв. Под внешним слоем бумаги прятался другой, более тонкий. Два ярлыка склеили вместе. Селена почувствовала запах гвоздики. Слабый, почти утерянный среди корицы и теста, но совсем не от пирога: когда она подвинула коробку от еды, запах остался на бумаге.

Она вспомнила Ивенину сумку. И тут же одёрнула себя: запах мог принадлежать клею, который используют десятки служащих. Сам по себе он не называл человека. Селена сняла варежку, достала свой обрывок и поднесла к отогнутому краю, не пытаясь отделить слои. Рваная линия сошлась только наполовину. Значит, здесь была не вторая часть той же бирки, а лист, оторванный рядом. Важное различие, хоть и менее удобное.

Арен держал угол, пока она зарисовывала. По его рукаву проползла маленькая тёмная пушинка. Девушка заметила, что он устал: после общего перехода, сутолоки и чужой очереди

тело снова пыталось стать птицей по краям. Она не стала спрашивать при продавце. Подвинула к нему табурет, как будто просто освобождала проход. Он сел и тихо сказал спасибо.

Лира возвращала сапоги в сортировку на длинной верёвке. Теперь обувь несла не посылку, а саму себя, и Пых с большим удовольствием наблюдал за порядком. На обратной дороге им встретился Мандариныч. Он осмотрел коробку, посчитал сапоги и сказал, что доволен отсутствием новых адресов у городских пирогов. Затем строго посмотрел на Лиру. Та раньше него произнесла, что прочитает все таблички и больше не станет проверять пряжки руками.

— Часть табличек врут, — заметил лось. — Но сперва надо знать, в чём именно.

Владелец коробки ждал у сортировки. Невысокий человек в жилете из множества бумажных карманов казался собранным из каталога. У него даже пуговицы были пронумерованы. Он сначала проверил узел, затем углы, затем пробежал глазами бирку. За возвращение поблагодарил скупо, но когда Селена попросила осмотреть нижний слой ярлыка, насторожился всерьёз. Коллекционные вещи не отдают просто так, даже если с ними случилась обувная авария.

Мандариныч объяснил задачу. Коллекционер согласился, что бумага действительно старая, и открыл коробку сам. Внутри лежали пачки использованных ярлыков, прокладки, обрывки бечёвок, маленький альбом с оттисками. Никакого опасного оружия, только много-много аккуратно сохранённого чужого порядка. Он показал нужную пачку: остатки одного печатного листа, сданные на прошлой неделе. Часть шла в призы вечернего конкурса пожеланий.

— Мы можем купить? — спросил Арен.

Коллекционер покачал головой. Призы уже объявлены, передумать нечестно по отношению к участникам. Взамен он разрешил сравнить открытый край прямо сейчас. Селена приложила собственный обрывок к верхней бирке. Сошлась сетка на бумаге, но рваный угол не совпал. Коллекционер вынул другую, не из верхней пачки. Вот здесь белый выступ вошёл в выемку так точно, будто они специально искали друг друга.

Девушка сдержала возглас и попросила не двигать. На продолжении строки сохранилось: «…повторять без окончания». Это уже не просто изменённая дата. Она переписала слова отдельно, оставив между ними разрыв там, где бумага ещё отсутствовала. Собирать из обрывков удобную фразу вместо настоящей было нельзя. На обороте виднелась половинка квадратной печати, а под ней серый клей. Коллекционер подтвердил, что этот ярлык достался ему уже склеенным.

Откуда? Из сборного архива. Кто сдавал? Не запомнил, вещи принимали через помощника. Квитанция хранилась в конкурсном альбоме вместе с призами, и показать её до состязания он не мог: там записаны условия, которые участники не должны знать заранее. Мандариныч терпеливо вздохнул. Даже почтовому лосю, видимо, иногда мешали чужие правила. Но менять их силой он не собирался.

Лира отошла с друзьями на несколько шагов и заявила, что придётся участвовать. Селена посмотрела на сцену в дальнем конце ряда. Там уже поправляли фонари, ставили небольшие скамейки, готовили микрофон, похожий на перевёрнутую воронку. Выступать перед незнакомыми людьми хотелось примерно так же, как снова сесть на спинку заколдованной скамьи. Только там хотя бы не ждали красивых слов.

Арен не сказал, что это легко. Он спросил, согласится ли она, если никто не будет заставлять её петь. Лира могла отвечать за начало, он — за ритм, Селена — за точность пожелания. Пых предложил следить, чтобы со сцены не свалились их вещи. Девушка удивилась, насколько серьёзно все распределяют страх, который она ещё даже не назвала. От этого стало чуть проще признаться: читать текст она может, придумывать на ходу — нет.

Тогда решили не притворяться умелыми. Мандариныч дал им лист для черновика и предупредил, что самые блестящие обещания часто разваливаются раньше простых. Селена села

на край лавки, достала карандаш и написала первое: «Желаю всем…» Потом зачеркнула. Всех она не знала. Рядом Арен осторожно согревал пальцы о бумажный кулёк с пирогом. Начать, наверное, стоило с тех, кто сидит рядом.

Глава 17 Конкурс почти правильных пожеланий

Первые три пожелания они зачеркнули. «Чтобы никто никогда не грустил» выглядело хорошо, пока Лира не спросила, как тогда плакать от радости. «Чтобы все добрались домой» сразу обидело Пыха: он свой дом только что принёс сюда. Арен предложил пожелать всем точных адресов. Селена посмотрела на толпу перед сценой и заметила, что часть людей как раз пришла заблудиться среди лавок, не получая никаких указаний.

— Можно пожелать пирогов, — сказала Лира. — С пирогами почти не бывает ошибок.

Из варежки послышалось деликатное покашливание. Пришлось вспомнить самоходные сапоги. Селена положила карандаш на скамейку и попросила сначала прочесть условия. На обороте листа значилось: пожелание не должно отнимать у другого человека выбор, обещать невозможное или начинаться словами «А вот я на твоём месте». За последнее снимали сразу два балла. Девушка решила, что правила вполне пригодились бы дома за праздничным столом.

Им достался номер одиннадцать. Лира предложила поменять его: сегодня число уже выглядело недружелюбным. Арен ответил, что номер ни в чём не виноват. Селена оставила карточку. Если начать подозревать каждый одиннадцатый предмет, до конца дела не добраться. Она записала три короткие строки, прочла друзьям и попросила остановить, если выйдет слишком торжественно. Лира остановила уже на втором слове.

За сценой пахло сырыми досками. На шнуре сушились запасные бумажные фонарики, под скамьёй кто-то забыл сапог — к счастью, обычный. Человек перед ними беззвучно повторял своё выступление, водя указательным пальцем в воздухе. Пых очень внимательно за ним наблюдал. Селена поняла: нервничают не только школьницы из другого мира. Это не помогло совсем, но хотя бы перестало быть особенным личным недостатком.

Распорядитель раздал участникам узкие ленты. Следовало завязать их на запястье, чтобы жюри различало команды. Арен не мог дотянуться до собственного левого рукава, не напрягая плечо. Селена спросила разрешения и завязала ему ленту поверх манжета. Узел получился огромным. Он посмотрел, признал его крепость и помог с её лентой так осторожно, будто выполнял куда более сложную работу, чем короткий переход. Лира в это время сама затянула свою зубами.

— Чего бы ты хотел на самом деле? — тихо спросила Селена, пока предыдущих участников объявляли.

Арен ответил не сразу. Потом сказал, что хотел бы однажды пройти маршрут без необходимости доказывать, что ему можно доверить каждый шаг. Девушка посмотрела на его левый рукав. Она сама хотела бы не выбирать между «справиться одной» и «оказаться бесполезной». Говорить это прямо было труднее, чем придумывать речь для площади. Поэтому Селена не сказала, а просто подвинулась на скамейке, оставляя ему место рядом.

На сцене пожилой мужчина пожелал внучке всегда получать лучшие оценки. Внучка, сидевшая в первом ряду, немедленно спросила, а учиться при этом можно тому, что ей интересно. Площадь засмеялась, мужчина тоже. Он поправил пожелание без спора: пусть найдёт своё дело и людей, у которых захочется учиться. Жюри не сняло баллы за исправление. Селена удивлённо посмотрела на распорядителя. Тот пожал плечами: живое слово тем и хорошо, что его можно поправить.

Они вышли втроём, с Пыхом на сумке. Ступени оказались выше, чем снизу. Селена увидела десятки лиц и тут же забыла первую строку. Не волшебно — совершенно обычно. Лист дрожал. Лира посмотрела на неё и не начала говорить вместо неё, хотя могла. Арен тихо постучал пальцем по краю бумажки: раз, пауза, два. Без ровного торопящего счёта. Девушка вдохнула и прочла то, что действительно помнила.

— Мы хотим пожелать вам встреч, которые можно закончить не потому, что кончилось время, а потому, что вы всё сказали.

Из-за сцены протянули тонкий металлический звук. Селена на секунду остановилась. На листе под пальцем начало бледнеть следующее слово. Не вся строка, только маленькое «потом». Она увидела это слишком близко, чтобы убедить себя в ошибке. Арен тоже увидел и замер. В толпе всё ещё ждали продолжения, а светлая полоска медленно раздвигала фразу.

— И ещё мы желаем запасного носка, — сказала Лира, шагнув вперёд. — Не потому, что носки важнее встреч. Просто очень трудно хорошо встречаться, когда вода в ботинке.

Площадь рассмеялась, звук металла потерялся. Селена почувствовала, как Арен пододвинул под её лист свою ладонь, чтобы бумага не дрожала. Он не удерживал её руку, только дал опору листку. Белая полоска перестала расти. Девушка свернула бумагу: читать дальше не требовалось. Она сказала про человека, которому нужен не новый шкаф, а место рядом с теми, кто пьёт чай. Пых высунул голову так далеко, что его наконец увидели в первом ряду.

Арен продолжил: пусть тот, кто умеет вести, сумеет сказать, когда не знает дороги. А тот, кто просит помощи, не должен сразу становиться чьим-то долгом. Фраза вышла негладкой; он запнулся, поискал нужное слово и нашёл. Селена услышала его настоящий голос, не уверенный курьерский. От этого смотреть на площадь стало легче. Все здесь просто слушали, а не ждали, на какой ошибке она окончательно провалится.

В конце Лира пожелала, чтобы хорошие планы оставляли место для непредвиденного, но не давили остальных размером. Тут ветер потянул край занавеса. Пых вцепился в нижнюю петлю и не дал ткани зацепить шнур. Получилось маленькое, очень уместное доказательство. Дух отпустил занавес, сделал сдержанный поклон из варежки и спрятался, пока не начались аплодисменты. На сцене он, оказывается, тоже не любил лишнего внимания.

Селена сошла по ступенькам не сразу. Колени стали мягкими, и ей пришлось подержаться за перила. Арен дождался рядом, не говоря «видишь, ничего страшного». Страшно было. Просто это не помешало закончить. Лира сияла и уверяла, что про носок вышло великолепно. Девушка смотрела на побледневший лист. На последнем сгибе остался серый след, будто кто-то пытался вытереть слово мокрым пальцем.

Жюри совещалось недолго. Первое место получил мальчик, который пожелал соседке не сердиться, когда он вернёт наконец её лопату, и немедленно её вернул. Команде Селены досталась награда за точность и право выбрать один предмет из бумажного альбома. Не большая победа, зато именно то, ради чего они решились. Лира даже не попросила обменять награду на пирог.

Коллекционер раскрыл альбом при Мандариныче. Внутри лежали аккуратные квитанции, редкие марки и срезанные края листов. Селена выбрала не красивый конверт с золотой птицей, а потёртую полоску, которая совпала с её уликой. Коллекционер искренне удивился. Он показал ещё два предмета, гораздо лучше сохранившихся. Девушка поблагодарила, но не передумала. Иногда важную вещь легко узнать именно потому, что никто другой её не хочет.

К полоске прилагалась квитанция сдачи. На ней стояли архивный номер, количество бирок и подпись принимающего, а в графе отправителя — «Служебный возврат через мост». Без имени. Дата вверху была переправлена: сначала тридцать первое, поверх — тридцатое. Мандариныч попросил позволения поставить свой знак свидетеля передачи. Коллекционер дал. Теперь документ не возник у них из чужого кармана: его происхождение можно было подтвердить.

Селена показала лосю испорченный текст выступления. Он поднёс к нему очки и прислушался к дальнему звону. Потом сказал, что на ярмарке пропали уже не только адреса, но и обещания. После закрытия бумаги понесут в Ёловею к архиву, а вечером там будет общая репетиция праздника. Нужно предупредить распорядителей, прежде чем люди начнут забы-

вать, зачем собрались. Селена подумала о домашнем пироге. Впервые маленькое обещание показалось ей частью той же беды, а не помехой большой.

На выходе она всё-таки купила за оставшийся ярмарочный жетон обычную ленту. Без принуждения к благодарности и без мгновенной удачи. Ленту отдала Лире за починенные рукава. Дриада улыбнулась и завязала её на ремешке Пыхова дома: здесь пригодится всем. Арен подхватил папку, пока Селена застёгивала варежку. Она разрешила ему нести её до станции. Пусть даже могла справиться сама.

Глава 18 Чужой почерк

В обратном переходе пахло не тестом, а хвоей. Селена узнала Ёловею по скрипу лестницы ещё до того, как увидела верхние фонари. Сумерки уже легли между стволами. Над мастерскими растягивали бумажные звёзды, по мостам тащили скамейки. На каждом третьем столбе висело приглашение на бал и пробную полночь. До настоящей новогодней ночи оставались ещё два сказочных дня, но город собирался проверить музыку заранее.

Элвин ждал у мастерской. Первым делом спросил, почему они задержались, вторым — все ли поели. Лира отвечала не в этом порядке. Когда очередь дошла до победы на конкурсе, она назвала награду точно, не превратив её в первое место. Селена заметила и оценила. На столе уже лежали чистая ткань, линейка и плоские грузики. Элвин подготовился к сравнению документов ещё до того, как знал, что они принесут.

Они положили оттиск Гранита сверху. Потом ярмарочную квитанцию, конкурсный лист и полученную полоску. Пых спустился из дома, снял с плеч конфетный узелок и попросил оставить ему место между грузиками. Он мог рассмотреть волокна ближе остальных. Арен сел у края, положив левую руку на колени. Селена придвинула к нему кружку. Он с благодарностью взял правой.

Края сошлись не идеально. Между двумя найденными частями не хватало узкой полосы, будто её вырезали специально вместе со словами. Селена зарисовала пустоту, не пытаясь дописать недостающее. Начало говорило о последней праздничной передаче, конец — о повторении без окончания. Предполагать можно многое. Доказывать пока получалось только то, что указание изменяли после изготовления копии.

Элвин узнал бумагу служебного возврата. Её выдавали в архиве для отправлений через старую переправу. Селена спросила, кому именно. Он начал отвечать, но запнулся на имени должности, потом сходил к полке за журналом. Она видела, что узнавание было неприятным. Не обязательно виноватым — человек мог просто вспомнить беду. Всё равно пауза осталась между ними, как отсутствующая полоска бумаги.

— Этим путём пользовались мостовая служба, архив и праздничный склад, — сказал он. — Не только кто-то один.

— А ты? — спросила Лира.

— И я. Для ремонта.

Он показал им собственный чистый бланк. По цвету и сетке тот совпадал. Угол, однако, был ровный, печать стояла целиком на отдельной накладке. Селена приложила бланк к лампе и заметила одинаковые расстояния между линиями. Бумага принадлежала одному запасу. Значит, ни квитанция, ни сам запах клея ещё не вели к одному столу. Лира заметно расслабилась. Девушка не могла так быстро: ей всё ещё вспоминалось «без огласки» в кармане куртки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.